

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ОТЕЛЬ
СОКРОВЕННЫХ
ЖЕЛАНИЙ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Отель сокровенных желаний

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев А. В.

Отель сокровенных желаний / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-92439-4

Этот отель давно стал легендой. Многие повидали его стены, а особенно номер 184 – именно в нем больше ста лет назад обнаружили мертвое тело первого владельца отеля, Харитона Прасагова. С тех пор трагические события происходили в этом номере с печальной регулярностью: в 1912 году там убили знаменитую оперную певицу, в 1940-м – любовницу известного писателя и, наконец, в 1977-м – дочку высокопоставленного чиновника... В наши дни отель стоял в запустении, пока его не приобрел олигарх Михаил Прасагов, правнук Харитона. Он был одержим идеей вернуть отелю былую славу и величие, но его планы спутало новое убийство, случившееся в том самом проклятом номере...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92439-4

© Леонтьев А. В., 2016
© Эксмо, 2016

Антон Валерьевич Леонтьев

Отель сокровенных желаний

© Леонтьев А.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Когда-то это был хороший отель, но ведь и я когда-то был
хорошим мальчиком.*

Марк Твен

Даже вблизи, несмотря на все очевидные признаки упадка и разрушения, отель производил небывалое впечатление.

Являясь детищем некогда известного, а теперь напрочь забытого архитектора, чрезвычайно эксцентричного типа, но, безусловно, гения, он сочетал несочетаемые, казалось бы, стили и явно вобрал в себя некоторые, чудным образом видоизмененные, черты Воронцовского и Массандровского дворцов.

Чувствовалось в грандиозном здании и несомненное влияние модерна – все же выстроен особняк был в 1910–1911 годах, – и чего-то псевдорусского, и староитальянского, и древнеанглийского. А вот напоминавшая отчасти вычурные минареты боковая башенка была безусловным влиянием архитектуры Османской империи.

Кто бы мог подумать, что особняк *все еще существовал!* И до позднеперестроечного времени являлся гостиницей, вернее даже, отелем экстра-класса, во всяком случае, по тем временам.

«ОТЕЛЬ «ПЕТРОПОЛИСЬ» – можно было прочесть на обветшавшем фасаде. Латунные (а некогда, еще до революции, и позолоченные) буквы давно исчезли – то ли отвалились, то ли стали жертвой предприимчивых собирателей цветных металлов. Однако контуры букв, впечатавшихся в стену, все еще виднелись сквозь толщу штукатурки *и временных эпох*. А теперь, после того, как над фасадом изрядно потрудились матушка-природа, можно было даже разглядеть просвечивавший сквозь несколько слоев краски дореформенный «явь», которым некогда завершалось гордое название сей гостиницы.

Ярослав вдруг осознал, что непозволительно долго задержался на импровизированной стоянке, под старым каштаном, наверняка ровесником отеля. Взглянув на наручные часы, он понял, что, несмотря на то что выехал из офиса с солидным запасом времени, все же опаздывать на первую встречу с клиентом, *да еще таким*, на новом объекте было бы верхом глупости, он чересчур много времени потратил на созерцание этого шедевра архитектуры.

Безусловно, необычно; вне всяких сомнений, уникально; конечно же, крайне интересно. *Но помимо этого...*

Его взгляд снова упал на циферблат наручных часов. Опаздывать было не в его стиле, но, судя по тому, что, кроме его автомобиля, никаких иных припаркованных рядом не наблюдалось, опаздывал не он, а клиент.

Очень важный клиент. И очень *богатый*. Новый владелец отеля «Петрополис».

Но помимо этого... Ярослав снова всмотрелся в темные, местами выбитые окна диковинного здания. Кто тут только не останавливался! Здание вроде бы не такое уж и большое, но впечатление это ложное. Конечно, «Петрополис» нельзя сравнить по размеру и численности номеров с гранд-отелем «Европа» или «Англетером», однако он был ровней, и не исключено, что превосходил своей *историей*.

История, причем *особая*, была у каждого отеля. И удивить именами и исторической значимостью тех, кто некогда являлся постояльцем отеля здесь, в Петербурге, было сложно. Да, следовало признать, что «Петрополис» все же находился в тени гораздо более знаменитых «собратьев». А с учетом того, что последнюю четверть века, вернее, даже больше (отель закрылся на трехгодичную генеральную реставрацию в далеком 1989-м, ибо «Петрополису», согласно градостроительным планам, надлежало открыться к семьдесят пятой годовщине Октября, приходившейся на ноябрь 1992 года, – кто же ведал тогда, в 89-м, что в 92-м мало кого будет заботить сия торжественная дата, что советская империя развалится и что название города – Ленинград – изменится на прежнее, имперское), он стоял пустым, многие были уверены, что в «лихие девяностые» или «тучные нулевые» здание сменило владельца, изменило профиль и *вообще исчезло с лица земли*.

Но отель «Петрополис», запрятанный на Каменном острове, продолжал жить – *своей жизнью*.

Он в самом деле сменил владельца, причем даже не одного, а целую вереницу. Сначала невесть каким образом, то ли по чьему-то упорному хотению, то ли по шучьему (или какого иного зверя?) велению, особняк, числившийся на балансе департамента культуры города, вдруг оказался объектом на странном залоговом аукционе – и легким движением чьей-то сановной руки (и подписавшей соответствующее распоряжение о снятии с баланса ручки) из государственной перешел в частную собственность. Причем тот, кто был, по слухам, причастен к той строительной «загогулине», очень скоро оказался не у дел, а потом пропал: то ли бежал за границу с награбленными миллионами, то ли оказался на дне Финского залива с ногами в тазике с цементом. Вероятность обоих вариантов развития событий была примерно одинаковая, и, что удивительно (но об этом, конечно, не знал никто, кроме заказчиков и непосредственных исполнителей), один сценарий – бегство с чужими миллионами за границу – через некоторое время сменился другим – Финский залив.

Отель едва не перестал быть отелем: один из владельцев хотел превратить его в самое роскошное казино Северной Пальмиры, но не успел, ибо был застрелен. Новый владелец возжелал сделать из «Петрополиса» самый крутой бордель России, но тоже не успел, потому что скончался от быстротечной, согласно злым языкам, вызванной высокотехнологичным токсином из секретных лабораторий спецслужб, непонятной болезни.

Кто-то еще носился с идеей переоборудовать здание в собственную помпезную городскую резиденцию, но оказался сначала в бегах за границей, а потом в питерском СИЗО, который тоже покинул ногами вперед. Наконец, один из последних владельцев, точнее, владелица, единственная дама в нескончаемой веренице хозяев, *на редкость крутая бизнес-леди*, которая являлась официальной хозяйкой «Петрополиса», в телевизионном интервью заявила, что особняк является уродливым наростом на теле города, не представляет никакой исторической и архитектурной ценности и что она добьется разрешения на полный снос и строительство на его месте элитного небоскреба – первого такого рода в центре Петербурга. Шансы на осуществление этого проекта были высоки, потому что дама обладала в силу семейных обстоятельств *крайне весомыми* связями в Москве.

Но и этому проекту, который мог бы поставить жирный крест на существовании «Петрополиса», не суждено было сбыться, потому что чуть ли не на той же неделе, когда бизнес-леди сделала сие историческое заявление, она легла на очередную подтяжку лица, вроде бы пустяковую операцию, но под общим наркозом, погрузившись в который она никогда более не проснулась, во всяком случае, там же, где и засыпала.

Тогда-то и вошла в оборот с легкой руки какого-то писака легенда об *отеле-убийце*. О гостинице «Петрополис», которая неведомым образом уничтожает любого и каждого, кто желает причинить ей вред.

Ярослав в третий раз взглянул на часы и подумал, что клиент имеет право на опоздание, а вот он, подрядчик, нет.

Отель «Петрополис» мелькал то тут, то там на специфических сайтах, посвященных неведомым явлениям и мистическим материям. Его сравнивали с отелем «Оверлук» из «Сияния» Стивена Кинга – местом, в котором обитали призраки, причем призраки *далеко не добрые*, обладавшие способностью переходить из эфемерного мира в мир людей – и обратно.

И, не исключено, *забирать с собой того или иного постояльца*.

Чреду смертей владельцев можно было объяснить странным, но не редким совпадением: в конце концов, в мире большого бизнеса и шальных денег *происходит и не такое*.

Но как же быть тогда с событиями, имевшими место на протяжении без малого семидесяти с лишним лет, пока «Петрополис» являлся отелем и принимал гостей? Уже в самом начале, сразу же после открытия, в «Петрополисе» произошли ужасные и до конца так и не проясненные события. И, что занятнее всего, такие события – в том числе и жуткие смерти постояльцев, а также вещи похлеще и кровавее – имели место и потом. Нечасто, однако *с завидной регулярностью*. О подобном в советской прессе никто не сообщал, газета «Известия» не выносила очередной загадочный случай в ленинградском «Петрополисе» на первую полосу (на последнюю, впрочем, *тоже*), да и программа «Время» обходила вниманием ЧП локального масштаба.

Но слухи – *слухи ползли по городу*, причем в любое время: и во времена сталинских чисток, и хрущевских переделок, и брежневского застоя. Слухи обрастали еще более жуткими и невероятными деталями, уж совершенно нереалистичными подробностями и кошмарными свидетельствами очевидцев (коих, если б кто-нибудь поставил перед собой задачу сосчитать хотя бы примерное количество, было никак не меньше нескольких сотен, а то и *пары-тройки тысяч*).

А во времена гласности об этой жути заговорили открыто. Первый репортаж произвел сенсацию и вышел в одном из выпусков «Шестисот секунд», а потом пошло-поехало: эзотерические программы на телевидении, заметки с кроваво-гологрудыми коллажами в желтой прессе, леденящие душу истории очередного «очевидца» на мрачных интернет-форумах – и снова *слухи, слухи, слухи...*

Ярослав считал, что большая часть этих «страшилок» была частью чьей-то буйной, а зачастую бессовестной (скорее всего больной) фантазии. Но другая часть – малая, не такая беллетристическая, но все равно жуткая и, что важнее всего, рационально не объяснимая, отражала в целом и общем *реальные события*.

Он знал это, потому что и сам проявлял интерес к истории «Петрополиса» – с учетом того, что их архитектурному бюро выпал уникальный шанс заняться реконструкцией здания, это было *более чем уместно...*

Клиент явно запаздывал, Ярослав вышел из автомобиля, желая размять ноги и рассмотреть здание вблизи. Он миновал усыпанный прошлогодней черной листвой двор и приблизился к величественной лестнице, поднялся по ней – в этот момент массивная дверь гостиницы *вдруг медленно распахнулась*. Ярославу, ни в какую чертовщину не верившему, вдруг стало жутко, как бывает иногда ребенку жутко без причины, только от отдаленного шороха ночью в коридоре или невесть чем вызванного шебуршания в кладовке.

Он почувствовал, как дыхание у него сперло, а волосы зашевелились на голове, причем *не в переносном значении*. Однако длилось это даже не секунду, а какие-то считанные ее доли, потому что Ярослав лицезрел не прозрачного желеобразного призрака или исчезнувшего лет сто назад постояльца, облаченного по тогдашней моде, вдруг вынырнувшего из глубин пространственно-временного континуума, а умопомрачительную особу, явно являвшуюся продуктом второго десятилетия века двадцать первого.

Особа была высокая, длинноногая, в деловом костюме, больше открывавшем, нежели скрывавшем, обладала типично модельной внешностью и такими же параметрами, гладкими, спадавшими на плечи платиновыми волосами, кукольным личиком, алебастровой, явно от переизбытка дорогой косметики, кожей, по-вампиРСки алым ртом и гигантскими изумрудно-зелеными глазами за стеклами больших эффектных очков в затейливой оправе.

Это была стандартная представительница высшего уровня офисного планктона: явно не хозяйка жизни, но ее любимая горничная.

– Ярослав Станиславович? – произнесла она грудным, словно натренированным голосом, выговорив его имя и отчество, достаточно редкие в такой комбинации и фонетически небеспроблемные, без малейшей запинки. – Вы опоздали!

Проходя в холл «Петрополиса», Ярослав мысленно чертыхнулся. Хотел приехать заблаговременно и, что важнее, приехал – *но в итоге все равно опоздал!* А клиент, оказывается, прибыл еще раньше его самого и все время находился в особняке, не исключено, наблюдая за нерадивым архитектором, отчего-то застрявшим в своем авто и предавшимся праздным размышлениям.

Объяснять и оправдываться не имело смысла, поэтому Ярослав сухо извинился и заметил:

– Звучит странно, но я пытался уловить ауру этого места. И этого особняка... Поэтому и засиделся в салоне...

Выходило, что все равно объяснял и оправдывался, хотя именно этого и не намеревался делать, да еще перед кем – перед размалеванной особой, словно сошедшей с обложки гламурного журнала. Судя по широко распахнутым глазам этой девицы и полному отсутствию понимания на ее идеальном личике, она считала причину, по которой Ярослав пришел не вовремя, *действительно странной*.

– Отчего же, Ярослав Станиславович, ничуть не странно! – прозвучал тихий мужской голос, и Ярослав, обернувшись на говорившего, увидел коренастую фигуру в дорогом плаще с пестрым шарфом вокруг горла.

Это и был клиент – Михаил Георгиевич Прасагов, столичный олигарх средней руки, который решил распространить свое влияние и на Питер.

Прасагов – мужчина лет пятидесяти с хвостиком, с жестким волевым лицом, крошечной седеющей бородкой и глубоко посаженными, умными карими глазами – протянул Ярославу ладонь, и тот ощутил его крепкое рукопожатие.

– Красин, Ярослав Станиславович, – произнес он, хотя и Прасагов, и его пока что безымянная спутница, были в курсе, как его зовут.

– Это Алина Жирмунская, на которой держится мой питерский офис, – произнес олигарх, кивая в сторону расфуфыренной особы.

И на такой может *держаться* офис? Ярослав подумал, что эти изящные ручки с длинными бордовыми ногтями, не исключено, могут стучать по компьютерной клавиатуре и размешивать ложечкой кофе в подаваемой шефу чашке, не более. Однако он не исключал, что у Алины были качества *инного свойства*, о которых не ведал никто, за исключением самого олигарха, за кои он и ценил свою офисную помощницу.

Ярослав пробормотал, что ему «очень приятно», однако сразу понял, что тон задает единственный человек: сам Прасагов.

– Да, аура этого места, – повторил олигарх и развернулся, – вы только посмотрите на это великолепие! Да, все заброшено, да, пришло в упадок, да, разрушается и рассыпается. Но он живет! Дышит! Страдает!

Прасагов обвел короткопалой рукой, увенчанной затейливым, явно старинным, перстнем-печаткой, небольшой, но производящий впечатление холл.

Ярославу пришли на ум знаменитые, полные элегичного волшебства кадры из «Титаника», где заполненные водой, обросшие кораллами и водорослями, полные спящих рыб каюты, салоны и палубы океанского лайнера вдруг пробуждаются к жизни, заполняются светом, тут и там раздается смех, музыка, звон столовых приборов – и прошлое, казалось бы, навсегда канувшее в Лету, вдруг стремительно врывается в настоящее, напрочь вытесняя его.

Так и здесь: если присмотреться, то можно представить, какое впечатление производил холл «Петрополиса», украшенный в давние времена мозаичным панно по эскизам Врубеля. А колонны, некогда облицованные лазуритом, малахитом и розовым мрамором... Облицовка давно исчезла, но это ничего не меняло... Наконец, огромный крюк под потолком, на котором когда-то висела уникальная, муранского стекла, люстра. Люстры тоже не было, кажется, теперь она украшала особняк какого-то нувориша, *но стоило только закрыть глаза...*

И все же Ярослав опасался погружаться в грезы в присутствии клиента. Поэтому быстро перевел взгляд на Прасагова и заметил, что тот, словно вдыхая прошлое, стоит, раскинув руки, посреди заваленного битым кирпичом и мусором холла. *И закрыв при этом глаза.*

– Кто он? – раздался голос Алины, и олигарх, словно выйдя из транса, мотнул головой и произнес:

– Что?

Судя по всему, банальный вопрос помощницы вырвал его из мечтаний. Жирмунская, поправив очки, протянула:

– Кто он, Михаила Георгиевич? Вы говорили о нем... Что он дышит и страдает...

Раздалось монотонное гудение. Алина, извинившись, извлекла плоский, ультрановый, безумно дорогой смартфон.

– Опять по сделке с финнами звонок, – вздохнула она, посмотрев на экран. – Я отвечу, иначе проблем не оберешься?

Прасагов махнул рукой и, дождавшись, пока помощница ретируется в одно из смежных помещений, сказал:

– Вот вы бы не задали такой вопрос. О том, кого я имел в виду. Алина человек неплохой, очень деятельный, умеет в феноменально короткие сроки разрулить любую ситуацию, но без капли воображения. Но, собственно, ей за это и платят, чтобы она была такой. Точнее, я за это плачу!

Ярослав усмехнулся и сказал:

– Увы, не могу гарантировать вам, что порадую вас отсутствием воображения. Впрочем, если это критерий...

Прасагов внимательно посмотрел на него и ответил:

– Вы – другое дело. Вам как раз и платят за то, чтобы у вас *было* воображение. Вы ведь удивились, когда узнали, что мой выбор пал именно на ваше архитектурное бюро?

Понимая, что говорить неправду не имеет смысла, Красин сказал:

– Да. Потому что команда у нас небольшая, само бюро относительно новое. Мы строим далеко не мейнстрим, а беремся за спецпроекты...

Олигарх кратко произнес:

– Пройдемся!

Они миновали холл, подошли к изящной, словно невесомой лестнице, изгибавшейся под немислимым углом и плавно уводившей вверх. Она напоминала творения одного из забытых художников тридцатых годов, любившего рисовать лестницы, которые уходят вниз и внезапно выныривают вверх.

Ярослав вслед за заказчиком медленно поднялся по лестнице, вернее, по ее остову, на второй этаж. Там, стоя на месте исчезнувших перил, созданных некогда под явным влиянием

творений Гауди, Прасагов устремил руку вперед и произнес, указывая на раскинувшийся перед ними холл «Петрополиса»:

– Он живет, дышит и страдает! Он – «Петрополис». *Мой «Петрополис»!* И мне не нужна очередная «стройка века» с позолотой, евроремонтом и мраморным полом с подогревом. «Петрополис» – это целая Вселенная. Он так и задумывался, и все время был таковым! *И снова станет!* Для этого вы мне и нужны! Вы и ваша команда. Да, он страдает. И мы вместе избавим его от страданий! Он воспрянет к жизни! Он...

Речь Прасагова была похожа на монолог жреца или шамана и оказалась прервана тем, что олигарх слишком близко подошел к краю и из-под его дорогуших ботинок полетел щебень на пол первого этажа.

Михаил Георгиевич покачнулся, и Ярослав, мгновенно отреагировав, бросился к нему и потянул к стене.

Часть покрытия, на котором секунду назад стоял Прасагов, с уханьем просела и обвалилась, производя ужасный грохот и воздымая клубы пыли.

В холл выбежала с прижатым к уху смартфоном Алина.

– Все в порядке! – крикнул Прасагов, однако голос его, как отметил Ярослав, слегка дрожал. – Все в полном порядке.

Жирмунская, видимо, зная норы шефа, не стала задавать вопросов и, быстро кивнув, удалилась в одну из комнат продолжать телефонный разговор.

– Он едва не сделал меня своей очередной жертвой, – заявил со странным выражением лица Прасагов. – Вы же в курсе, что все предыдущие владельцы кончили плохо?

Ярослав неопределенно кивнул, а олигарх продолжил:

– Только не говорите, что не слышали этих историй. Их ведь великое множество! В основном, конечно, чепуха в квадрате и бабушкины сказки, *но кое-что чистая правда*. Я, надо сказать, человек не суеверный. И как был атеистом, так и остался – мода на воцерковленность меня не затронула, поэтому, надо думать, так в высшую лигу миллиардеров нашей с вами Отчизны и не прорвался...

Он хмыкнул и пнул носком ботинка несколько камешков, которые с легким цокотом скатились по ступенькам лестницы вниз.

– Думаете, у меня пунктик по поводу «Петрополиса»? Считаете, что я *того*?

Он внимательно взглянул на Ярослава, и Красин произнес:

– Норма – понятие очень растяжимое, Михаила Георгиевич.

Олигарх расхохотался и ответил:

– Бояться не имеет смысла, я не псих. Хотя да, у меня имеется пунктик по поводу этого отеля. И своя теория относительно того, что здесь происходило и, поверьте мне, все еще происходит. Потом как-нибудь расскажу. Кстати, вы в курсе, что я *уже* владел этим отелем? Пардон, не я, конечно, но один из моих предков.

Ярослав кивнул – да; когда стало понятно, что олигарх Прасагов желает задействовать их архитектурное бюро для воссоздания «Петрополиса», он сразу обратил внимание, что фамилия у нового владельца такая же, как и у того, что выстроил сие здание. Причем, с учетом ее небольшого распространения, следовало исходить из того, что между бывшим и нынешним владельцами имеется родственная связь.

– Это мой прадед. Вы ведь в курсе всей этой истории с сумасшедшим князьком, который кичился тем, что его род древнее и знатнее Романовых, и на тебе, единственная горячо любимая дочурка решила выйти замуж за моего прадеда, отец которого, вот в чем вся пикантность, являлся крепостным этого самого князька?

Ярослав пожал плечами.

– Как нет? О, тоже как-нибудь расскажу! Могу и сейчас рассказать, но лучше осмотрим второй этаж...

Разговор перешел в специфическое русло, и Ярослав с удивлением отметил, что олигарх отлично разбирается в делах строительных и архитектурных.

К ним присоединилась Алина, коротко доложившая, что «финны решили сорваться с крючка», на что Прасагов махнул рукой и ответил:

– Значит, идиоты. Я же просил, ни слова о других делах, пока мы в «Петрополисе». Он такого не любит! Поэтому и напомнил об этом небольшой демонстрацией своих возможностей!

И, взглянув на остолбеневшую помощницу и замешкавшегося Красина, пояснил:

– Я имею в виду то, что едва не сверзился вниз. Случись это, я бы наверняка раскроил череп и вас, не дай боже, обвинили бы в том, что вы меня ухандокали! Как хорошо, что я разведен, а дети большие и за границей! Убивать меня повода ни у кого нет!

Тем временем они подошли к двери одного из гостиничных номеров – в отличие от прочих дверь была отчего-то измазана красной краской и виднелись остроконечные готические цифры: «184».

Прасагов наклонился, принялся и сказал:

– Кажется, не краска, а кровь! Ну, не закатывай глаза, Алина! Не человеческая, хотя гарантировать стопроцентно не могу. Думаю, кошачья, собачья или голубиная. Это же номер сто восемьдесят четыре!

Олигарх толкнул дверь, и та со скрипом распахнулась. Они прошли в большое помещение, которое представляло собой некое подобие храма – но храма, в котором, судя по всему, *служили черные мессы*.

Там и сям понатыканы огарки оплавившихся свечей, в основном черных, на полу, стенах и даже потолке начертаны разнообразные каббалистические знаки, а на чудом сохранившейся облицовке одной из колонн красовалось изображение злобной козлиной морды, заключенной в чародейскую звезду.

– Вот она, комната «Петрополиса», в которой живет ужас! – заявил Прасагов и простер к потолку руки. – Номер сто восемьдесят четыре, о котором так много пишут на дурацких форумах и время от времени в не менее дурацких газетках. Номер, в котором, если верить этим источникам, нашли с десяток выпотрошенных трупов и в котором исчезло не менее двух десятков постояльцев! Ибо в этом номере *открывается портал в ад!* Сложите цифры, из которого состоит число этой гостиничной комнаты: один плюс восемь и плюс четыре. Сложили? Что получили? Ну конечно же, тринадцать! *Число дьявола!*

Он хохотнул, опустил руки и будничным тоном произнес:

– Что ж, в «Петрополисе» на протяжении всего периода его работы в качестве гостиницы время от времени имели место таинственные случаи, в том числе и весьма кровавые, *со смертельным исходом*. Существуют разные теории, объясняющие природу этих инцидентов, до конца так и не расследованных. Поэтому неудивительно, что после того, как «Петрополис» закрылся на бессрочный ремонт, этот дьявольский номер облюбовали сатанисты, любители пощекотать нервы и, судя по валяющимся в углу шприцам и использованным презервативам, наркоманы и поклонники секса в антисанитарных условиях. Теперь, после того, как отель куплен мной, все эти безобразия прекратились. Но я даже отчасти понимаю этих фанатов экстрима и адептов темных сил. О, я сам ничему такому не поклоняюсь, ибо, как уже отметил, ни во что такое не верю. Но забавно думать, что эти личности занимались здесь, прошу прощения за формулировку, *черт знает чем*, не ведая, что здесь *ни черта нет!* Ни черта, ни дьявола, ни портала в ад, рай или иное измерение. И не потому, что я изначально отмечаю возможность существования чего-то подобного, а потому как эта комната, хоть на двери и даже во всех планах и написано, носит номер сто восемьдесят четыре, *таковой она не является!*

Прасагов поманил спутников в коридор, провел по нему и завел в комнату, расположенную с другой стороны от лестницы. Здесь, как и во всем отеле, царил запустение, однако не было видно ни оплавленных свечей, ни пентаграмм, ни жутких козлиных морд.

– Это номер сто девяносто один. Причем таковым он идет во всей документации. Но на самом деле это и есть реальный номер сто восемьдесят четыре. Таковым он стал после любопытных событий здесь в тысяча девятьсот сороковом году, когда было принято решение изменить нумерацию комнат...

У Алины снова зазвонил телефон, и она, заявив, что «финны все же объявились», выскочила из комнаты.

– Я ведь обещал вам поведать занимательную историю, не так ли? – продолжил Прасагов. – И познакомить вас с моей собственной теорией относительно природы всех необъяснимых событий в «Петрополисе»? Что же, все началось тогда, когда мой прадед...

Ярослав услышал шаги, и в номер вошел высокий молодой блондин, который, впрочем, при внимательном рассмотрении оказался не столько молодым, сколько моложавым. Гость был облачен в алое кашемировое пальто и синие перчатки. Его сопровождали две дамы – одна вся в черном и, несмотря на стремительно завершавшийся октябрьский день в Питере, в темных очках и с брезгливым выражением лица. Вторая, явно моложе, отчасти похожая на Алину, однако именно что отчасти: и ростом пониже, и одежда попроще, и *харизмой пожже*.

– Когда моя прабабка совершенно неблагоразумно решила влюбиться в этого холопа, твоего, Миша, прадеда! – завершил блондин фразу, повисшую в воздухе, и, картинно встряхивая светлыми кудрями, добавил: – Добрый день!

Судя по тому, что он обращался к Прасагову на «ты» и называл «Мишей», вновь прибывший был с ним на короткой ноге. Однако появление этого субъекта не вызывало у олигарха энтузиазма, наоборот, с брезгливой гримасой он процедил:

– Для кого добрый, а для кого и нет, Степа...

Блондин дернулся, снова встряхнул кудрями и протянул:

– Я не Степан, а Стивен! И тебе это отлично известно, Миша!

Ярослав уловил в речах блондина легкие иностранные нотки – говорил он по-русски безукоризненно и явно знал язык с детства, но все равно проскальзывало что-то фальшивое, как и во всем его облике денди и франта.

– Ну, тогда и я не Миша, а Михаил Георгиевич. А ты... Стивен? Как тебя по батюшке? Ах, вам там в Санта-Монике отчеств не давали, ведь так?

Блондин поджал губы и холодно ответил:

– Тогда уж не Стивен, а «ваше сиятельство». Для вас, Прасаговых, мы, Захарьины-Кошкины, всегда как были сиятельствами, так и остались!

Прасагов, уже явно взяв себя в руки, посмотрел на Красина и заметил:

– Имею честь представить вам, Ярослав Станиславович, его сиятельство князя Стивена Кошкина. Круто звучит, правда ведь? Хотя что Кошкин, что Собакевич – все одно... Ну, или Фима Собак...

Лицо блондина, явно претендовавшего на аристократическое происхождение, дернулось, однако мимика не изменилась, несмотря на то, что он, судя по сверкавшим темно-синим глазам, был в ярости. *Видимо, переборщил с ботоксом*, решил Ярослав, поняв вдруг, что черты лица этого субъекта напомнили ему физиономии некоторых известных дам высшего общества. *Их кромсал один и тот же хирург...*

– Я князь Стивен Захарьин-Кошкин! – отчеканил блондин, багровея. – Мой род один из древнейших родов России, мы намного старше Романовых, у нас гораздо больше прав на императорскую корону, чем у этих выскочек...

Прасагов замахал руками и простонал:

– Степа, угомнись! Я эту бодягу уже раз пятьсот двадцать шесть *или даже семь* слышал! Ну, пролетели вы тогда в Смутное время с шапкой Мономаха, не вас в новые цари выбрали. За четыреста с лишком лет пора бы с этим смириться, не так ли? Кстати, я уже тебе говорил, что сословия и все эти ваши титулы были отменены декретом Советской власти от десятого

ноября года тысяча девятьсот семнадцатого! Так что если ты князь, то я китайский мандарин или даже японский апельсин. И последнее: никакой ты не Захарьин-Кошкин. Да, предки твои были из этого, не спорю, именитого, но ничем себя не проявившего в истории рода. Ты же сам родился в Калифорнии, и папочку твоего звали Кошкиным! Первая часть фамилии у вас куда-то делась. И то, что ты ее теперь восстановил, ничего не меняет! Как был Кошкиным, так и остался!

Сопровождавшая князя мелкая девица, жалкое подобие Алины, все порывалась что-то вставить, а на лице дамы в черном играли желваки. Она даже собралась было ринуться на олигарха, но князь Кошкин удержал ее за руку.

– Жанна, прошу тебя, не надо! – произнес он глубоко обиженным тоном. – Он этого не стоит.

Прасагов перебил:

– Загадка – что выйдет, если встретится князь Кошкин с князем Мышкиным? Ответ: *рожки да ножки!*

Он рассмеялся своей непритязательной шутке, а потом сказал:

– Разрешу себе представить и почтивших нас своим присутствием дам. Дама в сапожках, очках и с начесом – Вика. О фамилии Вики история умалчивает. То ли Уткина, то ли Петухова. Вика – личный секретарь князя Степы. А дама в черном, не снимающая солнцезащитные очки не только в туалете, но и даже в душе, это великая и ужасная Жанна Олеговна Хват! Да, такая у нее фамилия. Хотя считаю, что лучше быть хватом, чем Кошкиным! И князь Степа мог бы поправить ситуации, взяв в жены Жанночку и приняв ее фамилию, став, таким образом, князем Стивой Хватом. Звучит, согласитесь, намного солиднее. Но загвоздка в том, что сама Жанночка, которая, кстати, является своего рода начальником несуществующей княжеской охраны, так сказать, *дружины*, равнодушна к Вике и иже с ней. А сам князь Степа Кошкин питает нежные чувства к накачанным подиум-моделькам и мелким поп-звездочкам одного с собой пола. Так что мезальянса не выйдет!

Монолог олигарха был пропитан ядом, но князь Степа, уже успокоившись, доброжелательно заметил:

– О, как ты осведомлен о нашей личной жизни! Лучше поведай о своей! И о том, почему твоя женушка развелась с тобой, оттяпав солидную часть твоего не столь уж и большого состояния, и настроила против тебя детишек? Что же касается мезальянса, то всего бы этого не было, если бы не имел место этот дикий брак моей прабабки, княжны, с холопом, твоим прадедом! Как хорошо, однако, что плод этой любви умер в младенчестве! И что ты – потомок сына бывшего крепостного моего высокочтимого предка и поповской дочурки! Попал ведь впросак, Прасагов?

Оба мужчины явно находились в давнишней конфронтации друг с другом, и им доставляло небывалое удовольствие делать сомнительные шуточки относительно происхождения и фамилии своего противника.

Настало время Прасагова взбелениться. Однако в этот момент в дверях показалась Алина. Ойкнув при виде незваных гостей, она произнесла:

– Михаил Георгиевич, финны снова передумали, требуется мое присутствие. Я отъеду?

– Отъезжай, милая! – произнес нежно князь Степа. – Михаилу Георгиевичу сейчас не до финнов, а также ни до норвежцев со шведами. Он сейчас того гляди от злости лопнет!

Снова завибрировал мобильный Алины, и она, отдавая на ходу распоряжения, заторопилась прочь.

Эта пауза остудила пыл олигарха, он – со все еще красной шеей, однако подозрительно спокойный – отчеканил:

– Ваше... гм... сиятельство! Вы находитесь на территории принадлежащего мне объекта собственности. Ни вас, ни ваших двух мадам я не приглашал и приглашать не собираюсь – в

том числе и на открытие моего «Петрополиса», которое состоится через два года! *Моего!* Так что, как бы это сказать помягче... А – катитесь прочь! Иначе вызову охрану и вас выбросят с территории за шкуру!

Князь Степа снова тряхнул белесыми кудрями, видимо, это было или невротическим тиком, или тщательно заученным светским жестом, и произнес с доброй улыбкой сладким голосом:

– А позвольте узнать, Михаил Георгиевич, на какие шиши вы приобрели этот лакомый кусочек в Питере? Ведь, согласно инсайдерской информации, дела у вашей империи, с учетом кризиса, не ахти. С ликвидностью большие-пребольшие проблемы. Вы и по старым кредитам уже не платите, кто бы вам новые предоставил? Зачем в кризис вбухивать такие деньжищи в премиум-сегмент?

С не менее доброй улыбкой, еще более сладким голосом Прасагов ответил:

– А не запихнуть бы вам, ваше сиятельство, все эти вопросы в одно столь любимое вами место? Проблемы у всех, в том числе и у вас с вашими инвестиционными фондами! Когда вы себя банкротом объявляли?

Кошкин вздохнул:

– Было дело, но я этого не скрываю. Потерял полмиллиарда, заработал потом сразу три. А вот ты, Миша, только теряешь и теряешь. И не только деньги, сегменты рынка сбыта и деловую хватку, но и чутье. Ты не задавался вопросом, отчего тебе с легкостью дали такой огромный кредит? Если ты не в курсе – еще в начале года я купил активы того банка, которому ты должен круглую сумму. И что именно я велел дать тебе кредит, хотя все финансовые аналитики были против. Теперь ты с твоей империей – у меня в кармане. Шансов, что вернешь кредит, нет. Но ты его получил, купил «Петрополис», не подозревая, что ты у меня на крючке! Так чей «Петрополис» – твой *или все же мой?*

Удар был сокрушительный. Олигарх, который только что почитал себя победителем, вдруг побледнел, а потом, схватившись за сердце, стал медленно оседать на пол.

Странно, но князь Степа, только что праздновавший триумф, сам всполошился и, словно забыв о вражде, бросился к Прасагову. Скинув дорожное пальто, он подложил его под голову прижимавшему руку к груди олигарху.

– Жанна, ты же должна уметь оказывать первую помощь! – взвизгнул он. – Не хватало еще, чтобы Миша умер!

– Надо срочно вызвать «Скорую»... – начала помощница Вика, но Прасагов проскрипел:

– Никакой «Скорой»... Сердце немного прихватило... У меня нитроглицерин во внутреннем кармане пальто...

Ярослав первым отреагировал на его слова, извлек тубик, вынул таблетку и положил Прасагову под язык. *Надо же, ведь от чего-то подобного страдала его, Ярослава, бабушка...* А олигарх казался крепким и цветущим мужчиной. Внешность, как выходило, была обманчива. Как, впрочем, и надежда на то, что заказ на восстановление «Петрополиса» принесет их архитектурному бюро кучу денег: *ведь если князь Степа прав и олигарх в долгах как в шелках...*

Михаилу Георгиевичу на глазах полегчало.

– Все в порядке, все в порядке, – прошептал он и попытался подняться, однако это вышло у него плохо, поэтому он остался сидеть на грязном полу.

– Не ведал я, что информация о реальном положении вещей приведет к такой бурной реакции! – произнес князь Степа, и Ярослав уловил в его голосе нотки раскаяния.

Прасагов, даже не глядя в его сторону, отрывисто сказал:

– Что же, ты обошел меня, Стивен, и я это признаю. Однако куда я выплачиваю кредит, отель мой! И я и впредь буду выплачивать его, об этом волноваться не приходится. И попробуй только самовольно изменить условия кредита, я тебя засужу!

– Не сомневаюсь, – заявил со смешком тот. – Однако я не подлец и требовать с тебя единовременной выплаты всей суммы не намерен...

Прасагов, кряхтя, предпринял новую попытку встать на ноги, и она увенчалась успехом. Так как держался он еще не вполне уверенно, князь пытался было подхватить его под руку, но олигарх довольно грубо оттолкнул Стивена.

– Сам справлюсь, сам! – заявил он. – Прасаговы всегда сами справлялись! Им ничья помощь не требовалась и не требуется!

Затем, уставившись на Ярослава, который чувствовал себя не вполне комфортно, заявил:

– Поздравляю, вы стали свидетелем *семейной*, так сказать, сцены! Я же обещал вам поведать историю, которая когда-то положила начало «Петрополису», а также массе других событий, ограничусь кратким вариантом. На закате правления государя Александра Третьего прадед мой, Харитон Евстратович Прасагов, влюбился в княжну Марью Петровну Захарьину-Кошкину...

– Не влюбился, а влюбил в себя несчастную мою прабабку... – ввернул князь, но олигарх сделал вид, что не заметил реплики.

– А тут надо знать, что Прасаговы были до освобождения крестьян крепостными княжеского семейства. И отец моего прадеда батрачил на прадеда нашего гламурного князька...

Он весьма неучтиво ткнул локтем в сторону Кошкина.

– Да, кому-то вершки, а кому-то и корешки, – заметил тот со вздохом. – Кто-то, как я сейчас, хозяин жизни, а кто-то, как ты, Миша, гнущий спину холоп! Как видишь, за сто тридцать без малого лет ничего особо не изменилось! И вообще, ты утаиваешь массу важных деталей. Например, то, как Харитон, которому было далеко за двадцать, соблазнил мою несчастную несовершеннолетнюю еще прабабку. Сейчас бы ему вкатили на полную катушку и отправили бы за растление малолетних в места не столь отдаленные, а тогда...

– По имеющимся у меня сведениям, это княжна Марья втюрилась в Харитона, как налакавшаяся валерьянки кошка, – отчеканил олигарх. – И для того времени она вообще-то уже в девках засиделась – почти восемнадцать, а ни женихов, ни ухажеров! А все дело в старом князе, самодуре и домашнем тиране. Все остальные дети, в том числе его столь любимые старшие сыновья, все друг за другом от излишеств и извращения скончались...

Князь взвился:

– Нет, ты представляешь нас как семейство мутантов! Один мой предок умер в младенчестве, другой – в отрочестве, третий юноша погиб на идиотской дуэли, а четвертый скончался накануне свадьбы от... от болезни... От чахотки!

– *От сифилиса!* – заявил безапелляционно Прасагов. – Вернее, от осложнений, вызванных сей незамысловатой болезнью в нежном организме юного князька. Так и получилось, что прямых наследников по мужской линии у старинного рода не осталось. Сам-то князь раньше тоже охотно гулял по чужим женам, а вот своя-то померла, рожая последнего ребенка, тоже девочку, которая отдала богу душу вместе с несчастной матерью, на тот момент едва ли не сорокалетней. В то время подобные поздние роды были всегда чреватые...

Откуда-то снаружи донесся непонятный шум.

Явно оклемавшись, Прасагов пересек комнату, подошел к окну и произнес:

– Гм, такое впечатление, что там кто-то шастает... Не хватало еще, чтобы снова наркоманы или сатанисты активизировались...

– Жанна, иди проверь! – отдал приказание князь, и дама в черном направилась к выходу, но олигарх осадил ее: – Вы, ваше княжеское сиятельство, здесь гость. И ваши обе дамы тоже! Так что без моего приказа никто никуда ходить не будет!

Снаружи снова донесся шум, и олигарх милостиво изрек:

– Хорошо, иди проверь, однако никакой ненужной силы! Если непрошенный гость – спугнуть и не более того! Мне заголовки в желтых газетенках не нужны! В особенности в твоих!

Он посмотрел на князя, а тот с миной оскорбленной добродетели развел руками:

– А что я? Разве я имею отношение к информационной политике принадлежащих мне СМИ?

– Конечно же нет, – заявил ядовито Прасагов. – Понятно, что пишут все, что хотят. Кстати, как ты умудрился быть владельцем этих мерзких бульварных листков? Ты же у нас американец...

– Кто тебе такое сказал? – произнес Кошкин. – Еще с конца прошлого года я российский гражданин! Так же, как мои деды и прадеды!

Прасагов хмыкнул, смерил князька презрительным взглядом и сказал:

– Наш пострел везде поспел. Однако, так и быть, вернемся к этому самому прадеду. Точнее, к твоей прабабке, несчастной княжне Марье. Старый князь, сущий монстр, отыгрывался на единственной оставшейся в живых дочке по полной программе, в основном, конечно, за то, что она именно дочка, а не сын, как будто бедняжка была в этом виновата!

– Неправда, старый князь очень любил свою дочь, – возразил блондинистый наследник титула, но вышло у него как-то не очень убедительно.

– Может, и любил, но и бил ее, и в подвале запирал, и, говорят, вообще приставал к ней, – усмехнулся олигарх. – У вас в роду вечно было полно извращенцев...

Он сделал паузу и уставился на Кошкина.

– Да, у князя был характер несладкий, однако Марья сама виновата! – заявил тот. – Уже имелся и жених, тоже из княжеского рода, а она...

– Из княжеского рода и с деньгами, – ввернул Михаил Георгиевич. – Потому что старый князь был не только самодур, но еще и никуда не годный бизнесмен. Состояние – и свое, и жены покойной – промотал по ветру, поместья вынужден был продать одно за другим, и к тому времени все, что осталось, так это его семейное гнездо, *расположенное прямо вот на этом месте!*

Он топнул ногой, поднимая клубы пыли.

– И хотел, чтобы дочка, выйдя замуж, спасла бы его финансовое положение. Однако дочка была характером под стать папаше. Надо сказать, умная была девица, пыталась вести дела вместо своего сатрапа-родителя. И в один из визитов в банк, дабы умиловить кредиторов, и познакомилась, причем совершенно случайно, с моим прадедом...

– Все не так! – сказал запальчиво князь Степа. – Кроме, конечно, утверждения, что княжна Марья обладала деловой хваткой. О, если бы она только осталась жива, то стала бы первой женщиной-миллионером в Российской империи. *А то и миллиардером!* Я уже говорил, что никакой случайности не было – это Харитон Прасагов, ушлый молодчик, прекрасно зная, что Захарьины-Кошкины раньше были его хозяевами, решил отомстить. И взять себе в жены невинную княжну! Для этого он сначала отравил свою первую супругу, ибо был к тому времени уже женат...

– Что за бред! – крикнул Прасагов. – Первая супруга моего прадеда умерла молодой от холеры! В то время в Питере как раз эпидемия была! Чайковский и тот от холеры скончался!

Кошкин осклабился:

– Может, и от холеры умерла, не спорю, тебе виднее, Миша. *Но кто подал ей пресловутый стакан сырой воды,* хотя все прекрасно в то время знали, что воду из Невы просто так пить нельзя? Думается, Харитон, который понял, что незачем травить супружницу мышьяком, ибо за это можно и на каторгу загреметь, а лучше естественным ядом ее на тот свет отправить, при помощи холерного вибриона!

Мужчины оцетинились, словно два пса, готовые вцепиться друг другу в глотки. Им доставляло огромное удовольствие шпынять противника и предвзято интерпретировать события прошлых лет.

– Несчастливая жена моего прадеда умерла от естественных причин! – повысил голос олигарх. – И никто не сомневался в том, что к смерти он был непричастен! Он горевал ужасно...

– Да, так ужасно, что, когда та скончалась, спешно уехал в Москву, дабы самому, видимо, не подцепить заразу, которой он напищал собственную супругу! – сказал князек. – А на похоронах держался в стороне и даже и не подумал поцеловать несчастную...

Прасагов не выдержал:

– Тогда ты лучше расскажи нам про своих предков! Как один затравил собаками целую крестьянскую семью! Как другой проломил обухом голову своей неверной женошке! Как третий насиловал крепостных детишек пачками...

Появилась Жанна, которая кратко доложила:

– Там кто-то шныряет под окнами. Задержать или спугнуть?

– Задержать! – заявил Прасагов, а Захарьин-Кошкин приказал:

– Спугнуть!

Жанна, хмыкнув, удалилась. Ярослав взглянул на секретаршу Вику, она премило ему улыбнулась. Ярослав сделал вид, что не заметил ее кокетства. Интересно, он что, тоже чувствует себя на стороне Прасагова и игнорирует любую любезность со стороны тех, кто причисляет себя к сторонникам князя Степы?

– Но вернемся к нашему бравому Харитоше, – продолжил князек, – ибо помимо того, что супруга, скончавшись в ужасных муках, освободила его от постылых брачных уз, делая свободным вдовцом неполных двадцати пяти лет от роду, она оставила ему более чем солидное состояние, ибо являлась дочкой купца второй гильдии Шушкова...

– А твой предок женился на своей несчастной Аделаиде разве только за красивые глазки? – заявил олигарх. – Хотя, судя по дагеротипам, они у нее были весьма некрасивые, как и она сама! Из-за приданого, ясен пень! Кстати, свою крайне посредственную внешность она передала и собственной дочурке, княжне Марье. Она была девицей неглупой, это я признаю, но, как бы это сказать помягче, весьма страшненькой!

Князь Кошкин заявил:

– Ничего подобного! Она была премилой юной барышней!

– Которую, однако же, никто не хотел брать в жены или хотя бы за ней ухаживать, потому что она была, может, и юной, но скорее не барышней, а крокодилицей! – ухмыльнулся Прасагов. – Поэтому понятно, отчего она повисла на шее моего несчастного прадеда, который искренне горевал о своей покойной супруге. Понимала княжна, что никто ее замуж не возьмет, а тут бравый красавец подвернулся. Она в него и вцепилась!

Тряся белесыми кудрями, князь Степа закричал:

– Ничего подобного! Это твой прадед намеренно стал ухлестывать за невинной княжной, изначально имея коварный план влюбить ее в себя, соблазнить, а потом и взять в жены! Потому что хотелось ему занять в жены дочь того человека, который его собственного отца и деда на конюшне вожжами сек!

История, в особенности в субъективной интерпретации, сложная штука, сделал для себя вывод Ярослав. И возможно ли вообще докопаться до истины?

И существует ли она, эта истина, в природе?

– Как бы то ни было, но княжна с моим прадедом сошлись, – сказал Прасагов, а Кошкин заявил:

– Это он соблазнил неопытную дурочку! Еще бы, мужчина он был видный, вскружил ей голову...

– По слухам, неопытная девочка была завятой нимфоманкой и любила, несмотря на свой нежный возраст, предаваться разврату с представителями нижних социальных классов, – произнес Прасагов. – И мой прадед угодил в расставленные ею сети. Еще бы, ведь она знала,

что у него полно денег и что ее собственный папаша на мели. И кроме особняка в Питере и давно перезаложённых маменькиных бриллиантов у них ничего не имеется!

Михаил Георгиевич сделал паузу, которой немедленно воспользовался князь Степа:

– И Харитоша задурил голову несчастной княжне Марье, наобещал с три короба, поклялся, что женится на ней, чего делать не желал, несмотря на отсутствие супруги. Однако, будучи вдовцом, обещать такое было гораздо проще и правдоподобнее, нежели будучи все еще женатым. В действительности Прасагов затащил ее в постель и... И, когда княжна поняла, что ожидает ребенка, бросил ее! Какой изверг!

Князь снова тряхнул кудрями, а олигарх крякнул:

– Уж куда там, бросил! И это не он ее, а она его соблазнила! Мой прадед искренне горевал по своей скончавшейся жене, но княжна была та еще штучка и прекрасно знала, как завлечь молодого вдовца в постель. Она ведь ужасно охоча была до эротических удовольствий, к которым ее приучил то ли старший брат, тот самый, которого на дуэли потом изрешетили, то ли сам сиятельный папаня-князь. *То ли они оба!*

Стивен взбеленился:

– Не рассказывай ерунды, Миша! Ты прекрасно в курсе, какого мнения придерживалось тогда общество! Молодой ушлый вдовец-купчик, из бывших крепостных, соблазнил несчастную глупую невинную княжну. Наговорил ей с три короба, обрюхатил, а когда понял, что князь и его дочка в безвыходном положении, заявился к моему предку, дабы шантажировать его и потребовать отдать испорченную девушку за него, сына бывшего крепостного!

Прасагов вздохнул и сказал:

– Опять вранье, Степа! Да, приснопамятный разговор в душную июльскую ночь имел место, но мой прадед пришел не для того, чтобы выдвигать условия и сыпать соль на душевные раны князя, у которого и души-то отродясь не водилось, а если и была, то он давно ее продал нечистому, а для того, чтобы поговорить с ним как мужчина с женщиной и получить отцовское благословение на брак с княжной!

Кошкин хмыкнул:

– Куда там, отцовское благословение! Понимал же, что старый князь никогда такого благословения не даст! Однако ведь у Харитоши был козырь – бастард, которого княжна Марья носила к тому времени под сердцем и о котором старый князь не подозревал – дочка, надо сказать, умело скрывала от батюшки свой растущий живот.

Они снова замолчали и перевели дух. Ярослав понял, что вражда, возникшая еще тогда, в конце девятнадцатого века, длилась между двумя могущественными и состоятельными семействами до сих пор. *Ромео и Джульетта по-русски*. Однако ни Ромео не был влюбленным подростком, ни Джульетта не была невинной девчушкой. В этот раз все вышло намного мрачнее и кровавее.

– Однако во время сего разговора, когда над столицей империи разыгралась небывалой силы летняя гроза, Харитоша поведал князю правду, – произнес потомок аристократов. – Потому как старик, узнав, что сын его бывшего крепостного вознамерился жениться на его дочери, долго хохотал, считая это дурной шуткой, а потом, поняв, что это чистая правда, впал в страшный гнев. Но Харитоша попытался убедить его, что делать нечего и что княжна все равно порченый товар, ибо уже соблазнена и обрюхачена им. И что, кроме как дать отцовское благословение, у старого князя никакой возможности утаить от общества скандал нет. Хитрый Харитоша думал, что выиграл, но не тут-то было! Ибо вся эта интрига вышла ему боком – точнее, *в руку!*

Олигарх перебил его:

– Конечно же, разговор протекал вовсе не так, как ты пытаешься изобразить, Степа! Харитон Евстратович пытался поговорить с князем по-мужски, но старик уже в те годы был с приветом. И, узнав, что дочка беременна, решил было убить ее! Прямо на месте! Схватил

со стены турецкий ятаган и бросился на несчастную, которая коленопреклоненно стояла перед ним, ожидая отцовского благословения или хотя бы прощения. Мой прадед, как истинный джентльмен, защитил даму своего сердца...

– ...И чресл... – ехидно вставил князек. – А под джентльменом ты имеешь в виду сынка бывшего крепостного? Какой, однако, социальный взлет!

Игнорируя его замечания, Прасагов продолжил:

– ...И принял удар ятаганом на себя! Помимо того, что князь-самодур рассек Харитону щеку, он отрубил ему кисть левой руки! Которая, орошая все кровью, упала прямо на пол!

Он указал на пол комнаты, и Ярослав, следя за его жестом, уставился в указанном направлении – и *ничуть не удивился бы, если бы увидел на полу отрубленную кисть.*

– Ну, хватит делать из интригана Харитоши благородного мужа, – ввернул Стивен, – ибо князь схватился за оружие, потому что защищал себя и свою дочку от дикого нрава купчика, который, узнав, что никакой свадьбы не будет и быть не может, напал на старика и попытался его придушить! И тому не оставалось ничего иного, как сорвать со стены ятаган!

Интерпретации событий той летней ночи опять разнились до невозможного. Ярослав вдруг подумал – *а как же оно было на самом деле?*

Это был вопрос, который он часто задавал себе и относительно некоторых иных событий...

– Если бы Харитон Евстратович был таким моральным уродом, то княжна Марья ни за что бы не убежала с ним в тот вечер! – заявил Прасагов. – А ведь так и было, даже ты отрицать этого не в состоянии, Степа?

Князек, тряхнув кудрями, заявил:

– Отчего, очень даже могу! Да, княжна Марья покинула отчий дом в ту ужасную ночь, но не по своей воле, а похищенная людьми Харитоши, которые дежурили около княжеского дворца. Ее захватили в карету и увезли прочь! Сам же Харитоша направился к врачу, еще бы, ведь купчик истекал кровью. Присобачить на прежнее место отсеченную кисть тогдашняя медицина была не в состоянии. Харитоше очень даже повезло, что он не скончался от потери крови, болевого шока или последующего воспаления раны. *Черт уберез!* Ибо, по словам надежных свидетелей, в тот момент, когда князь отсек ему кисть, Харитоша призвал на помощь все силы ада и поклялся, потрясая кровотоющим обрубок, что отдаст хозяину преисподней свою душу, если тот покарает князя! И зло услышало призыв Харитоши – и в ту ночь выползло на землю и *поселилось в этом месте!*

Он замолк, а олигарх хмыкнул:

– Да, так и представляю себе эту трогательную сцену: Харитон Евстратович трясет культей и призывает силы ада помочь себе! Да человек в подобной ситуации наверняка или дико орет, или от шока не в состоянии ни слова вымолвить. И уж точно не произносит пространные мелодраматичные монологи! Это все старый князь потом сочинил и в качестве слуха в оборот запустил. А что до сил тьмы – так это ж князь сам и увлекался всей чертовщиной, якшался с чернокнижниками, приглашал магов и медиумов. Так что если зло сюда и наведальось и зацепилось за это место, как ты утверждаешь, то исключительно по причине сумасшедших увлечений старого князя!

Они снова смолкли, а потом Прасагов сказал:

– Дальше же все было просто. Харитон Евстратович и княжна обвенчались, а в начале следующего года Марья родила мальчика. Но и она сама, и ребенок скончались при родах...

Князь Степа хмыкнул:

– Родила Марья не мальчика, а *девочку*, и это крайне важно! Потому что, как ни крути, сей отпрыск был единственным легитимным наследником нашего рода. Потому как хоть и был зачат во грехе, но на свет появился уже в браке. Тут Харитоша проявил столь свойственную выходцам из низших слоев общества циничную смекалку и уломал какого-то продажного попа

обвенчать их. И появишься на свет мальчик, внук старого князя, он бы унаследовал не только его титул, но и остатки состояния! Но появилась на свет девочка!

– Мальчик! – заявил твердо олигарх.

– Девочка! – ответил не менее твердо князь.

Это «мальчик – девочка!» звучало в течение последующих нескольких минут, походя на перепалку впавших в неистовство детей. Наконец силы и того и другого противника иссякли, и они замолчали.

– Харитоша ведь строил планы: появишься на свет мальчик, законный наследник рода и состояния нашего рода, убрать с дороги старого князя, а потом и свою жену. И так бы, через сына, захватить все то, что принадлежало Захарьиным-Кошкиным! Высоко он метил, сынок бывшего поротого на конюшне вожжами крепостного...

Князь Степа ухмыльнулся и добавил:

– Но девочка была Харитоше не с руки. Поэтому он ее то ли подушкой придушил, то ли отдал повитухе с приказанием избавиться от ребенка. А сам же, и это бесспорно, отправил на тот свет и свою вторую жену, которая ему более не требовалась! Потому что к тому времени он положил глаз на новую даму!

Прасагов заявил:

– Вранье! Мой прадед до безумия любил княжну Марью, он даже из-за нее инвалидом стал! Она ведь была молодая, и если бы и родила сначала девочку, как ты утверждаешь, то могла бы потом нарожать ему и кучу мальчиков. Какой смысл было избавляться от нее на этом этапе?

– Врачи сказали, что Марья никогда больше не сможет родить! – заявил Стивен. – А бесплодная жена Харитошке не требовалась!

Михаил Георгиевич ответил:

– Снова вранье! Никакие врачи ничего такого не говорили и сказать не могли! И роженца, и ребенок, увы, умерли...

Князь ввернул:

– С этим никто не спорит, но кто помог им умереть? Харитоша!

– Да ты что, белены объелся! – крикнул олигарх, и снова возникла словесная потасовка.

Истина, вероятнее всего, лежит посередине, подумалось Ярославу. Значило ли это, что появилась на свет девочка и Прасагов придушил ее подушкой? Или мальчик, но умер сам по себе? Или...

– В любом случае купчик снова стал вдовцом, что бесспорно! – заявил князь Степа. – Этого даже ты отрицать не сможешь! Иначе бы он не женился в итоге на поповишне и не произвел на свет твоего деда, Миша! Шли годы, сменился император, затем настал новый век, но Харитоша, уже не такой молодой, но по-прежнему с обезображенной ударом ятагана щекой и без левой кисти, богател и богател. Конечно же, не без помощи преступлений! Ведь, как известно, за любым большим состоянием стоят жуткие вещи!

Олигарх усмехнулся и заметил:

– Ты, владелец заводов, газет, пароходов, должен наверняка знать, о чем ведешь речь, Степа. Да, Харитон Евстратович богател, но исключительно благодаря своей природной смекалке. Да, он снова женился, но память о своей Марье и их умершем сыне всегда хранил в сердце!

– О придушенной им подушкой дочке! – заявил князь, но Прасагов на провокацию в этот раз не повелся и проговорил:

– Лучше расскажи нам о своем предке, старом князе! Там ведь была какая-то жуткая история о растлении малолетних и о черной магии, в которую он оказался замешанным. В тюрьму князь не отправился, сумел отмазаться благодаря высоким покровителям, но истратил

на судебные издержки остатки своего и без того небольшого состояния. Вроде и ветхий был, но все еще жил. Судачили, что это ему черт, который обитал в его дворце, вечную жизнь обещал!

Потомок князя возражать не стал, только блаженно улыбаясь. Но потом все же не выдержал и добавил:

– А Харитоша хотел заполучить то, что ему не принадлежало. Поэтому, выждав без малого пятнадцать лет, он нанес последний удар – и купил через подставных лиц у вконец разорившегося старика его петербургский дворец. Самому Харитоше князь дворец не продал бы и за миллиард, он думал, что покупатель солидный англичанин. А вышло, что этот англичанин, якобы лорд, был нанятым Харитошей актером. В итоге Прасагов все же заполучил остатки былой роскоши и стал владельцем дворца, в котором князь отрубил ему кисть...

Олигарх усмехнулся и сказал:

– Ты, Степа, как всегда, драматизируешь. Да, Харитон Евстратович купил дворец, но ведь здание было обветшалым и пришедшим в упадок, никому не требовалось. Князю повезло, что мой прадед вообще снизошел до покупки! Потому что он замыслил построить в Петербурге самый шикарный отель в империи! И сделал это!

Прасагов обвел руками комнату, а князь Степа философски заметил:

– Ну, это ты склонен к преувеличениям, Миша. Харитоша мог ведь восстановить дворец, но он намеренно снес его и вырубил окружающую его тисовую рощу. Причем специально, чтобы досадить старому князю. А потом в самом деле решил построить на этом месте сказочный «Петрополис». *И построил его!* Но открытие гостиницы, пришедшееся опять же на ненастную июльскую ночь, прошло ведь иначе, нежели было задумано твоим предком?

Михаил Георгиевич усмехнулся:

– Старый князь к тому времени окончательно свихнулся. Решил устроить массовый теракт. Сумел-таки подкупить прислугу и разместить в подвале новой гостиницы ящики с динамитом. А затем заявился на торжественный прием, хотя приглашен на него, конечно же, не был, устроил кошмарную сцену, проклял все и вся, а потом заявил, что сейчас все собравшиеся, среди которых был даже кто-то из императорской фамилии, отправятся к чертям в преисподнюю. Он все верно рассчитал, в действие должен был прийти часовой механизм, и ящики с динамитом разнесли бы всю гостиницу вместе с собравшейся блестящей публикой в ключья. Но старик не учел, что из-за ливня вода проникла в подвал и испортила часовой механизм! Так что эффектного финала не вышло...

Князь Степа затряс кудрями:

– Это все Харитоша подстроил! Узнав через своих шпииков, что старый князь намерен прийти на открытие и устроить скандал, он подложил в подвал собственного отеля взрывчатку, однако снабдив ее изначально неисправным часовым механизмом. И обвинил потом во всем старика, который ни о каком теракте, конечно же, не помышлял! Но столь незамысловатым образом твой предок устроил бесплатную рекламу своему заведению, ведь о предотвращенной трагедии не писал только ленивый! А чтобы замести следы, *он убил князя!* Причем сделал это именно здесь, в этом номере!

Он топнул ногой, а Прасагов сказал:

– Смотри не провались на первый этаж, Степа, полы здесь непрочные. Да, старик помер в отеле, именно в этом номере, куда его, невменяемого, трясущегося, всего в слюне и слезах, доставили после того, как под белы ручки вывели из холла, в котором имел место торжественный прием по случаю открытия «Петрополиса». Надо же было куда-то запихнуть его до приезда полиции! Его и отвели вот в этот номер – сто восемьдесят четыре. А когда полиция приехала, *старик лежал мертвый прямо вот здесь!*

Олигарх указал на пол, и Ярослав снова представил мертвого старца с иссиня-черным лицом и скрюченными пальцами, с жуткой гримасой, лежавшего посреди пустой, богато обставленной комнаты.

– Да, князь умер, но только потому, что Прасагов отравил его – так же, как отравил свою первую и вторую жену! – заявил запальчиво Стивен Кошкин. – Твоему прадеду требовался козел отпущения, и таковым стал старый князь. Но следствие, конечно же, выяснило бы, что к размещению динамита в подвале «Петрополиса» восьмидесятилетний старик причастен не был. И чтобы изначально свалить все на князя, он требовался Харитоше мертвым. Вот он его и убил!

– Харитон его не травил! – заявил Прасагов, а Кошкин парировал:

– Значит, придушил! Или прибил! Но смерть князя на совести твоего прадеда!

Олигарх взвился:

– Ерунда! Это старик или от переживаний помер, или, не исключая, покончил с собой при помощи прихваченного заранее яда. Из вредности и желания досадить Харитону Евстратовичу. Но факт остается фактом: помер он именно здесь! И его смерть положила начало всем последующим смертям и исчезновениям в отеле! Как будто... Как будто вся эта бесовская аура, которая окружала старого князя, после его кончины радиоактивным облаком повисла в номере сто восемьдесят четыре!

Стивен крикнул:

– Если чертовщина и облюбовала этот номер, то не из-за того, что здесь умер старый князь, а потому что именно тут в последний день того злополучного года умер и сам Харитоша! И все пронизывавшие флюиды зла вытекли из его мертвого тела на пол этого номера и навсегда застряли здесь, творя кошмар и впредь! – И, торжествуя по поводу того, что последнее слово осталось за ним, пояснил: – Тридцать первого декабря тысяча девятьсот одиннадцатого года, когда в отеле царил предпраздничная суэта, одна из горничных наткнулась на мертвое тело Харитоши. Он, нестарый еще мужчина, отдал богу душу неведомо по какой причине. Причем в той же позе, с тем же остекленевшим взглядом и скрюченными пальцами, как и старый князь. *И на том же самом месте! Прямо здесь!*

Внезапно зазвонил телефон, который развеял атмосферу ужаса, наполнившую комнату. Прасагов вынул из кармана пальто мобильный и принял звонок:

– Алина, что? Ты в офисе? И чего хотят финны?

Князь Степа, подмигнув Ярославу, подошел к нему, подал руку и сказал:

– После этого долгого вступления – рад с вами познакомиться. Вы же тот подающий надежды архитектор, которому Миша намерен поручить восстановление «Петрополиса»? Что же, учтите, это ведь и мой отель тоже! Так что не допускайте ошибок, потому что еще до того, как вы получите по шапке от Миши или меня, вас покарает он, «Петрополис»! *И его душа заключена именно здесь, в номере сто восемьдесят четыре!*

Он снова топнул ногой, и дверь комнаты внезапно распахнулась. Ярослав вздрогнул, ожидая всего, чего угодно: например, появления призраков старого князя или Харитона Прасагова.

Или этих двух противников – *но в виде разлагающихся мерзких зомби.*

Этому бы он, после жутковатой истории, изложенной двумя заклятыми врагами с двух разных позиций, ничуть не удивился.

Но – едва ли не к своему разочарованию – он лицезрел Жанну Хват, втолкнувшую в комнату невысокую, пестро одетую девицу с короткими лиловыми вихрами и многочисленным колечками в носу, губе и бровях.

– Ошивалась здесь и явно подслушивала, о чем вы беседуете! – мрачно произнесла Жанна. – Шпионка!

Особа с лиловыми волосами и пирсингом, вырвав локоть из цепкой лапы госпожи Хват, заявила смешным пищащим голоском:

– Эй, вы что себе позволяете, малоуважаемая! Я – представитель СМИ! И имею полное право на освещение важных событий!

Ярослав еле сдержал улыбку, олигарх Прасагов хмыкнул, а князь Степа, картинно откинув кудри, произнес:

– Деточка, не думаю, что наша приватная перепалка заслужила освещения в СМИ. И кстати, позвольте полюбопытствовать, какой канал или издание вы представляете? Можно взглянуть на ваше журналистское удостоверение?

Особа смешно наморщила украшенный кольцами носик и пропищала:

– А вы кто такой, красивый и кудрявый? Ничего я вам говорить не буду!

Жанна Хват сорвала у нее с плеча цветной рюкзачок, запустила в него свою длинную руку, выудила сначала пачку ментоловых сигарет, хмыкнула, снова запустила в рюкзак руку, извлекла удостоверение и протянула его князю.

– Что за произвол! – запищала пигалица. – Я представитель СМИ! Я буду жаловаться! Да вы знаете, какое издание я представляю...

Князь Степа зачитал:

– Диляра Ильфатовна Зюльмиева, внештатный корреспондент онлайн-издания «Бульвар-экспресс СПб». Ага!

Он протянул удостоверение бушующей внештатной корреспондентке, которая, схватив его и сверкнув черными глазами, заявила:

– Я обо всем этом напишу! *И обо всем другом тоже!* И о том, что вы скрываете!

Князь, вздохнув, произнес:

– Деточка по имени Диляра Ильфатовна Зюльмиева... Если уж подслушиваете чужие беседы, то должны знать, кто их ведет. Позволю весьма неучтиво начать с собственной персоны. Князь Стивен Захарьин-Кошкин. Помимо всего прочего – новый владелец издательского дома «Бульвар-экспресс», в который входит и онлайн-издание «Бульвар-экспресс СПб», основанное, кажется, в прошлом году. То есть, деточка Диля, я хозяин издания, на которое вы работаете!

Диляра Ильфатовна ойкнула, прижала к пестрой куртке удостоверение и, потрясая многочисленными пирсингами, осторожно спросила:

– А вы точно он?

Все расхохотались, а князь обернулся к Прасагову:

– Миша, подтверди! Кстати, Диляра Ильфатовна, это Михаил Георгиевич Прасагов, владелец, во всяком случае, номинальный, отеля «Петрополис». Он может с легкостью запретить вам пребывать на территории его номинальной собственности. Или отнюдь не номинально запретить и передать на руки полиции!

Жанна Хват двинулась было к несчастной журналисточке, которую Ярославу стало немедленно жалко.

– Да, это, увы, он! – подтвердил олигарх, засовывая в карман пальто смартфон, завершив разговор с Алиной. – Хотя я бы предпочел, чтобы это был не он... Но что поделать!

Все опять рассмеялись, и на этот раз громче всех журналистка Зюльмиева.

– Извините, я вас не узнала! – обратилась она к князю. – Потому что знаю вас только по картинкам в Интернете. А на них вы другой!

Прасагов заметил:

– Да, наш князь меняет цвет волос и прическу три раза в месяц! Так что собственные холопы не узнают!

Диляра, наморщив носик, строго произнесла:

– Я не холоп, а внештатный корреспондент!

Прасагов, с уважением хмыкнув, не стал возражать, и по его удивленному виду Ярослав понял, что ему не так уж часто приходится слышать подобные категоричные заявления.

– И что привело вас сюда, Диляра Ильфатовна? – спросил князь, а девица ответила:

– Все зовут меня Дилей! Так проще. Можно, я буду звать вас Стивеном?

Князь не нашелся что ответить, а журналисточка явно приняла его молчание за знак согласия и продолжила:

– Я веду журналистское расследование!

– Звучит весомо, – улыбнулся князь, – но «Бульвар-экспресс СПб» специализируется на всякого рода слухах, сплетнях, жареных фактах и прочих востребованных непритязательной публикой фактах. Наверняка пришли в мистическое место, дабы накропать очередную лживую статейку о стонущих призраках и исчезнувших постояльцах?

Его тон был ласковый, но уничижительный. Впрочем, на Дилю это не произвело ни малейшего впечатления, и она выпалила:

– Зачем мне изобретать сказки, если я иду по следу настоящей сенсации! Вы вот не верите в мистические силы номера сто восемьдесят четыре в «Петрополисе», а я не просто верю, а знаю, что все это правда! И речь не о старых историях, которые все давно на зубок знают, о *новом кровавом происшествии!*

Князь удивленно поинтересовался:

– Какое такое новое преступление? Деточка, кажется, вы, несмотря на холодное время года, перегрелись на солнце!

Ярослав заметил, что Прасагов нахмурился, однако его лицо быстро приняло прежнее безмятежное выражение. Помощница князя Кошкина Вика, однако, тоже уловила это сиюминутное изменение эмоций и, подойдя к боссу, шепнула что-то на ухо.

Тот быстро обернулся и уставился на олигарха, отчего тот даже смутился.

– Поведайте-ка нам, деточка Диля, о новом ужасном преступлении! – потребовал он, и журналистка пропищала:

– Все знают, что здесь, в «Петрополисе», в номере сто восемьдесят четыре, время от времени происходят ужасные вещи! Только, конечно, сатанисты, металлисты и прочие странные личности облюбовали *новый* номер сто восемьдесят четыре, ничего не подозревая о том, что свое внимание надо сосредоточить на *старом* номере. Это известно только тем, кто плотно занимается проблемой!

Она победоносно посмотрела на собравшихся, явно намекая на то, что относит себя к числу несомненных экспертов.

– Так вот, на прошлой неделе нам в редакцию пришло анонимное электронное сообщение...

Она раскрыла рюкзачок, извлекла из него сложенный вчетверо лист и протянула князю Степе. Тот пробежал бумагу глазами, передал Жанне, которая, посмотрев, хмыкнула и показала Вике.

– Эй, я тоже хочу знать! – заявил Прасагов, и помощница князя подала листок Михаилу Георгиевичу. Наконец послание дошло и до последнего человека в номере – до Ярослава. Он прочитал вслух:

– «Номер сто восемьдесят четыре пробудился к жизни и заберет завтра новую жертву. Будьте к этому готовы! Ровно в полночь! Кошмар грядет!»

От его внимания не ускользнуло, что послание было отправлено с электронного ящика со странным названием: 184_Petropolis_184@petropolis.ru.

– Кратко и со вкусом! – усмехнулся Стивен. – И вы решили проверить, соответствует ли действительности то, что, о чем пишет аноним?

Журналистка Диля кивнула и сказала:

– Понимаете, «Бульвар-экспресс СПб» пишет, надо признаться, о всякой ерунде, но тема номера сто восемьдесят четыре до такой степени заезжена, что никто не пожелал заниматься ею. Ну а так как я всегда интересовалась подобными вещами, то решила проверить, правда ли то, о чем пишет невесть кто...

Диля вздохнула, и Ярослав понял, что девушке отчего-то страшно.

– Поэтому, вооружившись фотоаппаратом, я отправилась в «Петрополис». После того, как он сменил владельца, проникнуть на территорию стало гораздо сложнее, вы же установили этот новый забор...

Прасагов кивнул и медленно произнес:

– Так и есть. Не хочется мне, чтобы здесь ошивались всякие сумасшедшие. Ну, или журналисты подозрительных изданий...

Его тон Ярославу не понравился – отчего, интересно, олигарх так взъелся на эту безобидную особу?

Или было что-то, о чем знал только сам Михаил Георгиевич?

– Забор – это круто! – заявила Диля. – Потому что все эти сатанисты теперь сюда просто так не проникнут... Конечно, всегда можно найти лазейку, но ведь вы еще установили и камеры! А светиться никому не хочется...

Князь перебил ее:

– И что, деточка Диля, вы стали свидетелем чего-то кошмарного?

Журналистка снова вздохнула и сказала:

– Я сама едва не стала жертвой!

Ярослав вздрогнул, а Стивен быстро произнес:

– Что вы имеете в виду, деточка Диля? *Что номер сто восемьдесят четыре действительно пробудился к жизни?*

Девушка, опустив голову и вперив в пол взгляд, ответила:

– Этого я сказать не могу, но обстановка, когда я проникла сюда, мне сразу не понравилась. Какая-то напряженная, зловещая... Я первым делом заглянула в новый номер сто восемьдесят четыре, но там ничего ужасного не обнаружила. Потом пошла сюда, в старый номер, в котором, собственно, все эти годы и творились необъяснимые вещи. Но и здесь было пусто! Поэтому я решила прогуляться по дому...

– Смелое решение, – заявил Прасагов, – особенно с учетом его аварийного состояния и того, что вы приперлись сюда, как я понимаю, около полуночи!

Диля кивнула и ответила:

– Но я слишком рано сюда приехала! Поэтому прошлась по комнатам, затем вышла на улицу... Когда наступила полночь, я решила снова заглянуть в оба номера в надежде... в надежде на то, что найду там что-нибудь занятное! Однако, когда я еще стояла снаружи, то мне показалось...

Она запнулась и наконец произнесла:

– Мне показалось, что с другой стороны дома что-то движется, словно там кто-то прощмыгнул, что ли... Я отправилась туда и... И...

Она снова запнулась, а затем прошептала:

– И, как мне показалось, увидела что-то в оконном проеме. Какую-то фигуру, двигавшуюся в пустом доме... Я выждала для верности, а потом последовала за ней. Однако никакой фигуры там уже не было. Я прислушалась – и мне показалось, что до меня донеслись шаги. Откуда-то сверху... Поэтому я решила отправиться наверх, однако поняла, что элементарно заблудилась!

Журналистка вздохнула, а потом произнесла:

– Однако мне пришла спасительная идея вылезти через разбитое окно наружу. Тогда я быстро сориентировалась и зашла с нужной стороны так, чтобы попасть к лестнице в холле. Я поднялась наверх и...

Она судорожно сглотнула и проговорила:

– И увидела, что из номера сто восемьдесят четыре *идет свечение...*

Ярослав почувствовал, что ему страшно, и это несмотря на то, что он взрослый человек и в компании прочих взрослых людей, пусть и в пустом номере заброшенного отеля.

– Свечение? – произнесла в ужас помощница Вика. – И вы убежали?

Журналистка Диля горделиво ответила:

– Конечно же нет! Потому что свечение шло из *нового* номера сто восемьдесят четыре! А этого, собственно, быть никак не могло! Потому как если что-то и могло произойти, то только в *старом* номере. Поэтому я заглянула в новый номер, ничего не опасаясь и... И увидела, что все эти черные свечи, которые вы наверняка тоже видели, отчего-то зажжены! Хотя, когда я примерно минут за сорок до этого побывала там, ни одна из них, конечно же, не горела.

Она замолчала, и князь нервно произнес:

– И это все, что вы хотели нам поведать, деточка Диля? Пара зажженных свечей – вот и весь ужас? Надо полагать, что сюда снова наведались сатанисты и решили устроить свои idiotские оргии. И именно одного из них, проникающего в пустой дом, вы и видели снаружи...

Диля ответила:

– Я тоже так подумала, однако тогда бы сатанисты находились где-то поблизости! Но все дело в том, что *в комнате никого не было!* И на всем этаже, судя по всему, тоже! Сделав несколько фотографий, я отправилась в старый номер сто восемьдесят четыре. И там... – Она вздохнула и продолжила: – И увидела, что на полу номера что-то белеет в темноте. Я подошла к этому предмету и поняла, что это... Что это человеческое тело! Покойник! *И у него была отрублена кисть левой руки!*

Ярослав поежился и уставился на пол, стараясь отыскать следы крови.

Прасагов же быстро спросил:

– Мертвое тело? Прямо здесь? И без кисти левой руки? Не кажется ли вам, что все это звучит сказочно? Вам это не примерещилось ли случаем?

Диля заявила:

– А вот и нет! *Потому что я сделала ряд снимков!* А потом, конечно же, поняла, что надо вызвать полицию. Я же знаю, что сатанисты и раньше забавлялись с жертвами, хотя это всегда были несчастные кошки, собаки или в особенности черные курицы. А тут человек! Я вышла из комнаты, вынула мобильный и...

Она вздохнула и сказала:

– И слишком поздно поняла, что кто-то подошел ко мне и ударил меня по голове! Я потеряла сознание... Когда пришла в себя, то поняла, что нахожусь в новом номере сто восемьдесят четыре. Только свечи уже отчего-то не горели, и все выглядело так, как будто они и не были зажжены! Я быстро кинулась в старый номер сто восемьдесят четыре, *но тела уже не было!*

Прасагов удовлетворенно хмыкнул и заявил:

– Ну что же, как я уже и сказал, вам все привиделось! Ничего, бывает! Только писать об этом в вашей газетенке я вам не советую, потому что я немедленно подам на вас в суд. Разоритесь!

Князь Степа, вперив взгляд в олигарха, пропел:

– Миша, а отчего тебя это так заботит? А, понимаю... Мертвое тело, да еще в номере сто восемьдесят четыре, да еще с отрубленной кистью, большие проблемы для владельца отеля, то есть для тебя, а также ненужное негативное освещение «Петрополиса» в прессе. Ну и само собой, затормозило бы процесс реставрации...

Олигарх ничего не ответил, а, обратившись к Диле, заявил:

– Вы меня поняли? Если вы все же решите распространять слухи о мертвой женщине в моем «Петрополисе», то владельцу вашего издания, который находится здесь, придется выплатить мне непомерную огромную сумму за клевету!

– Миша, а откуда ты знаешь, что это была *мертвая женщина?* – произнес ласково князь, и олигарх, дернувшись, кивнул на Дилю:

– Так она сама только что сказала!

Стивен усмехнулся и ответил:

– Именно что нет! *Не сказала!* Наша бравая корреспондентка вела речь о покойнике и о мертвом теле, так что вполне логично было предположить, что здесь лежал мертвый мужчина. Но ты откуда-то в курсе, что это была мертвая женщина. Интересно, *откуда?*

Прасагов, не считая нужным отвечать на его вопрос, наехал на журналистку:

– Ну что, доказательств никаких нет? Вы ведь могли выдумать эту историю! Репутация листка, на который вы работаете, всем отлично известна! Сплошные выдумки, идиотские истории, высосанные из пальца сенсации. Фотографий ведь у вас не осталось, не так ли? Камеру-то у вас забрали!

Он внезапно замолчал, и на этот раз в разговор вступила Жанна Хват, отчеканившая:

– Ну, с покойником, так и быть, можно случайно предположить, что это женщина, и попасть пальцем в небо. Шансов пятьдесят на пятьдесят – либо мужик, либо баба. Но об исчезнувшей камере девчонка точно ничего не говорила!

Ощетинившись, олигарх огрызнулся:

– Конечно, говорила! Надо просто внимательно слушать! Ну, ты же говорила?

Диля качнула лиловой прической и пропищала:

– Нет, не успела. Но вы правы – у меня украли дорожную камеру! Причем, с учетом того, что я корреспондент внештатный, это не камера редакции, чью потерю можно было бы пережить, тем более казенная техника застрахована, а моя собственная, купленная в кредит! И ее элементарно стащили!

– Ничего она не говорила! – вмешался князь Степа. – Вика, подтверди.

Помощница подтвердила, и, наконец, все взгляды устремились на Ярослава. Прасагов сумрачно заявил:

– Подумайте, прежде чем что-то скажете, Ярослав Станиславович. Ведь заказ для вашего бюро небывалый, а я могу и передумать...

Князь со смешком воскликнул:

– Склоняешь зависимого от тебя человечка к лжесвидетельству? Узнаю прасаговскую породу – любыми средствами идти к намеченной цели! *По трунам*, так сказать, причем в данном случае не фигурально, а вполне реально!

Все ждали вердикта Ярослава, и тот замаялся, понимая, что об исчезнувшей камере журналистка в самом деле *ничего не говорила*. Однако угроза олигарха была недвусмысленная, и Красин знал, что терять заказ он не имеет права...

– Увы, я был занят мыслями насчет... насчет возможной перепланировки отеля, поэтому не прислушивался к тому, что рассказывала эта девушка, – ответил он. – Так что не могу подтвердить ни одну версию, ни другую!

Прасагов удовлетворенно вздохнул и сказал:

– Ну вот, понятно, что если кто и «не слышал», так это твои людишки, Степа. А я сам и мой человек, конечно же, слышали!

– Более чем вольная интерпретация фактов, – произнесла помощница Вика, а Прасагов одарил ее тяжелым взглядом.

– Девочка, вы лучше за собой следите! А то, не дай бог, следующей жертвой номера сто восемьдесят четыре станете именно вы!

Жанна Хват ринулась было на олигарха, но князь удержал ее за локоть.

– Миша, хватит иезуитствовать! Ты определенно что-то знаешь, так что колись! Потому что сам понимаешь, что я это просто так не оставляю. И задействую все свои связи, дабы выяснить правду...

Прасагов, усмехнувшись, сказал:

– Журналисточка, которая работает на твое издание, все выдумала! Не исключено, если она сейчас тут и возникла по твоему наущению. Так что не надо меня страшить, Степа! Связи ведь есть не только у тебя, но и у меня, причем, уверяю тебя, покруче!

Мужчины, набывчившись, не мигая смотрели друг на друга, и Ярослав подумал, что, не исключено, они сойдутся в рукопашной схватке прямо на грязном полу таинственного номера 184. Интересно, кто кого победит – мужиковатый коренастый олигарх или высокий верткий князь?

– Камеру у меня украли, но ведь я сделала несколько фотографий на свой мобильный! – произнесла Диля, разрядив этой новостью обстановку.

И князь, и олигарх немедленно повернулись к ней, а Жанна Хват потребовала, протягивая руку:

– Мобильный!

Однако Диля проигнорировала ее и, сжимая в руке свой старенький телефон, подошла сначала к князю. Тот, бросив взгляд на дисплей, удовлетворенно заявил:

– Ну что же, Миша, вот и доказательство!

Тот подскочил к журналистке, попытался вырвать у нее мобильный, но та вцепилась в аппарат и явно не намеревалась выпускать.

Бросив беглый взгляд на дисплей, олигарх заявил:

– И что там видно? Ровным счетом ничего! Ну, какое-то тело... Может, это все инсценировка! Наверняка инсценировка!

– А отрубленная кисть, стало быть, тоже? – парировала Диля. – У меня ведь еще фотографии имеются...

Она стала листать альбом, но олигарх отмахнулся и сказал:

– Отрубленная кисть! В театре и кино и не такое увидишь! Все можно подделать и инсценировать! Фотографии плохого качества, смазанные, темные. Они ничего не доказывают! Так что советую не устраивать бучу, вам же дороже выйдет! На меня работают лучшие адвокаты! Расплачиваться будете всю жизнь и пять последующих...

Князь протянул:

– Что-то вся эта история тебя не на шутку взбудоражила, Миша. Спрашивается только, почему? Сдается мне, что ты причастен ко всей этой катавасии... Во всяком случае, с исчезновением тела! А кто знает, может, и с его *появлением*!

Прасагов подошел вплотную к Стивену и прошипел:

– На что ты намекаешь? Ну давай, говори! Тогда я натравлю на тебя своих адвокатов...

– Адвокаты хотят наличность, а у тебя с ней проблемы! – заявил князь. – А вот у меня наличность имеется, Миша. И если я натравлю *своих* адвокатов...

Олигарх тяжело задышал, а князь вдруг миролюбиво произнес:

– Ладно, Миша, не кипятись, а то снова помирать решишь. Думаю, ситуация следующая: ты каким-то образом узнал о том, что в номере сто восемьдесят четыре появилось мертвое тело. К тому же с отрубленной кистью левой руки. Стань это известно, разразилась бы настоящая информационная истерика. Еще бы, проклятие «Петрополиса», зловещий номер снова пробудился к жизни после нескольких десятилетий спячки... Ведь когда в последний раз произошла тут очередная странная история? Кажется, в начале восьмидесятых?

– В семидесятых! – отрапортовала журналистка Диля, а Ярослав, не задумываясь, произнес:

– Весной тысяча девятьсот семьдесят седьмого года...

Все уставились на него, а Жанна Хват заметила:

– Он прав. В марте тысяча девятьсот семьдесят седьмого года «Петрополис» снова стал ареной непонятного происшествия, но так как в него было замешано КГБ, то широкой огласки эта история не получила. *Откуда вы в курсе?*

Чувствуя, что его пульс резко участился, Ярослав произнес, стараясь ничем не выдать своего волнения:

– Готовясь к сегодняшней встрече с Михаилом Георгиевичем, я, разумеется, изучил всю информацию по «Петрополису», которая была доступна. В том числе и, надо признаться, оккультного толка...

Жанна Хват явно рассматривала его через стекла солнцезащитных очков, а потом произнесла:

– Об этой истории мало что написано... Да и даты часто указаны неверные. Всегда почему-то речь об осени семьдесят седьмого, хотя на самом деле все произошло весной...

– Мое кредо – обращаться к надежным источникам! – ответил любезно, но весьма холодно Ярослав, а князь продолжил:

– То есть чуть ли не сорок лет назад! Однако обнаружение нового трупа, да еще в номере, и так пользующемся дурной славой, вышло бы тебе, Миша, боком. И твоему грандиозному начинанию! Разве кто-то пожелает останавливаться в отеле, в номере которого периодически бушует нечистая сила, исчезают постояльцы и находят мертвецов? Старые истории были окружены романтическим ореолом, и в них, несмотря на постоянное муссирование в СМИ, никто и не верит, изначально считая байками лживых писак...

Он покосился на журналистку Дилю.

– *Но новый труп – это совсем иное дело!* О, это бы привело к скандалу, и все твои планы, не исключено, накрылись бы медным тазом... Поэтому предполагаю, что труп был и что ты каким-то образом узнал об этом и элементарно избавился от него! Ты ведь понимаешь, что если дать этой истории ход, то никакой стройке здесь не бывать и что тебе придется отвечать по всей строгости закона за уничтожение улики, вернее, целого мертвого тела, а не исключено, и за *убийство!*

Князь победоносно посмотрел на Прасагова, но тот спокойно ответил:

– Ну, навел ты тень на плетень, Степа! За какое такое убийство, скажи на милость? Факт убийства может установить судебно-медицинский эксперт, но для этого нужно тело, которого, увы и ах, в природе не существует!

– Существует! – заявил Стивен. – И фотографии моей журналистки – лучшее тому подтверждение! А от тела ты, конечно, избавился. Его твои люди зарыли где-то или, что вероятнее, сожгли. Так что покойницу уже не разыскать...

Михаил Георгиевич усмехнулся:

– А на нет и суда нет! Это не ты меня, а я тебя за клевету засужу! Фотографии вы подделали. Хотя нет, не исключаю следующее – ты, как и твой предок, решил подложить нам, Прасаговым, свинью. Точнее, *мертвое тело*. Ведь даже если предположить, что я избавился от покойницы, то это, конечно, преступление, но не такое уж серьезное. С хорошими адвокатами, а у меня их нет, получишь условное и сразу под амнистию попадешь. Но это все, повторюсь, из разряда гипотетических возможностей! Другое дело – откуда тут взялось мертвое тело? Его подсунил ты и твои люди! Например, вот эта особа в черных очках!

Он ткнул в Жанну, которая никак не отреагировала на его жест, а вот князь дернулся, словно Прасагов своим предположением попал в яблочко.

– И главный вопрос – *как живое тело превратилось в мертвое?* Чтобы досадить мне и сорвать мои планы, ты, не исключено, пошел на убийство! Нет, сам ты на такое не способен, но вполне в состоянии приказать своей леди в черном убить несчастную, скажем, путану или бомжиху, отрубить ей кисть руки, а тело подложить в номер сто восемьдесят четыре. А затем отправить сообщение в свое же желтое издание, отправить по следу трупа своих дешевых писак и надеяться на то, что лавина медиаскандала погребет меня под собой. Действуешь, как и твой прадед, который хотел взорвать «Петрополис», криминальными методами, Степа!

Князь Стивен, не выдержав, завопил:

– Ты сам убил несчастную и теперь пытаешься представить так, как будто это я ее убил и хотел тебя в этом обвинить!

– Значит, хотел? – спросил с ухмылкой олигарх.

– Значит, тело было? – спросил с точно такой же улыбкой князь.

Они снова сошлись на ринге, которым служил злополучный номер отеля «Петрополис».

– Или возможен и третий вариант! – произнесла вдруг журналистка Диля. – Не стоит забывать о мистической силе, которая живет в этом самом номере! Быть может... Быть может, это снова *проделки номера сто восемьдесят четыре!*

Князь закатил глаза, а олигарх хохотнул.

– Для всего, милая моя, имеется логическое объяснение! Ну, почти для всего. Но даже если здесь обитает некая неведомая науке чертовщина, то это не помешает мне отреставрировать «Петрополис» и сделать его самым крутым отелем в Питере! А со временем – и в России! И никакая чистая или нечистая сила мне в этом не помешает! Потому что этот отель мой!

– Ну или, с учетом невыплаченных банковских кредитов, мой! – поправил его князь.

Возникла пауза, Ярослав закрыл глаза, чувствуя, что в воздухе в буквальном смысле что-то витает. Неужели...

Неужели в этом номере действительно обитает нечто?

В этот момент откуда-то снизу донеслось непонятное уханье. Все вздрогнули, а побледневший Стивен заявил:

– Наверняка что-то просело или обвалилось...

– Конечно, что же еще-то! – поддакнул ему Прасагов и кивнул Ярославу: – Идите проверьте!

– Жанна, ты тоже! – приказал князь даме в черном. – Не хочу, чтобы люди нашего купчика снова устроили провокацию!

– Не исключено, что это ответ «Петрополиса» на ваши самонадеянные речи! – выпалила вдруг журналистка Диля. – Все же и ваш предок, ваше сиятельство, и ваш, господин олигарх, умерли именно здесь!

Она указала на пол, а затем, снова забыв об ужасе, который разыгрался здесь много лет назад, заявила:

– Я тоже посмотрю, не материализовался ли здесь где-нибудь в углу очередной труп или что-то наподобие этого!

Ярослав вышел из номера и осмотрелся. За ним по пятам следовала Жанна Хват. Журналистка Диля попыталась примазаться к ним, но особа в черном цыкнула на нее и велела держаться от взрослых подальше.

– Нам обязательно ходить с вами парой? – спросил Ярослав, косясь на Жанну, которая явно не намеревалась выпускать его из виду.

– Мне приказано следить за вами! – ответила та. – Да и вы, судя по всему, боитесь тут шастать в гордом одиночестве. А так я вас хоть защитить могу!

Ярослав не нашелся что ответить, так и не поняв, говорила ли Жанна в шутку или всерьез – выражение лица у нее было абсолютно индифферентное.

Ярослав заглянул в новый номер 184 – и оторопел. Все те свечи сатанистов, которые при первом сюда визите с Прасаговым, конечно же, не горели, *вдруг оказались зажжены!*

Темнело, и в сгущающихся сумерках десятки свечей, пламя которых колыхалось на легком сквозняке, выглядели пугающе.

– Что за черт! – вырвалось у Ярослава, и он подумал, что, не исключено, это самая верная реплика: *в «Петрополисе» творилась какая-то чертовщина!*

– Стоять на месте и не приближаться! – велела Жанна и обогнула горящие свечи. – Гм, их кто-то зажег!

– Гениально, Ватсон, – съязвил Ярослав, – это я и сам уже понял! Весь вопрос в том – кто?

Приказав ему ничего не трогать, Жанна удалилась и почти мгновенно вернулась, приведя за собой князя, олигарха и помощницу Вику. В то время как мужчины вышагивали мимо многочисленных расставленных в помещении свечей, девица так и не решалась зайти в помещение и испуганно жалась в дверном проеме.

– Вот это да! – завопила журналистка Диля, врываясь в комнату. – Это вы их зажгли? Она вытащила мобильный с явным намерением сделать фото, но Прасагов произнес:

– Никаких фотографий!

Диля взглянула на князя, и тот заявил:

– Да, пока что никаких! Миша, это ты зажег или твой человек?

Он кивнул на Ярослава. Олигарх шумно вздохнул и ответил:

– Конечно же нет! Ведь это ты сам сделал или одна из твоих баб, а еще пытаешься вину на меня взвалить, Степа!

Кошкин усмехнулся и указал на трясущуюся Вику.

– Думаешь, это она сделала?

Прасагов кивнул на невозмутимую Жанну Хват и предположил:

– Ну, отчего же, например, она! Такая не только свечи зажжет, а и десятку человек глотку перережет и глазом не моргнет!

– Благодарю за комплимент, – произнесла сухо Жанна, и Ярослав инстинктивно отодвинулся от этой зловещей дамы.

– Это могла сделать и твоя расфуфыренная помощница, как ее... Анжела? Перед тем как куда-то умотала! – сказал князь.

– Не Анжела, а Алина, – возмутился олигарх. – Все это странно, очень странно!

Явно восхищенная, журналистка Диля бродила меж свечей, затем задела ногой одну из них, та, не переставая гореть, покатилась, олигарх завопил, что «эта дура» весь отель ему спалит, возникла небольшая потасовка, и вдруг раздался уже знакомый присутствующим ухающий звук.

Все уставились на часть стены, которая вдруг отъехала в сторону, обнажая черную дыру, являющуюся проходом куда-то в тайную комнату.

– Как это произошло? – спросил ошеломленный Прасагов, но никто не мог дать ответ на его вопрос.

– Или механизм сам сработал, например, потому что поломался, что, однако, весьма маловероятно, – попытожила Жанна. – Или дверь кто-то открыл. Например, во время этой кутерьмы кто-то случайно на что-то наступил или нажал и тем самым привел механизм в действие. *Или кто-то снаружи...*

Вика истерично всхлипнула, а князь Степа фальцетом завопил:

– Успокойся, идиотка, никто тебя умерщвлять и оттяпывать тебе левую кисть намеревается!

– Теряем самообладание? – осведомился любезным тоном олигарх, который, однако, плохо скрывал собственную тревогу.

– Существует еще одно объяснение случившемуся! – торжественно сказала журналистка Диля, и все уставились на нее, как будто только она могла знать истину.

– «Петрополис» сам решил открыть одно из своих тайных помещений, потому, что... *Потому что он снова ожил!*

Вика завопила, а князь не выдержал и велел ей убраться ждать в автомобиле. Девица, цокая каблучками, побежала прочь.

– Но ведь это не настоящий номер сто восемьдесят четыре, а поддельный! – заявил вдруг Ярослав.

На этот раз все уставились на него, и он, чувствуя, что краснеет, пояснил:

– Необъяснимые события связаны с номером сто восемьдесят четыре: это непреложный факт. Но именно что с настоящим номером, ведь так? А этот, в котором мы сейчас находимся, отнюдь не настоящий, а, так сказать, фейковый, ведь номера комнат были изменены! Так если «Петрополис» снова ожил, отчего тогда в неправильном номере?

– Жанна, сходи и посмотри, нет ли... – Голос князя сбился. – Нет ли в настоящем номере чего-то... *Чего-то из ряда вон выходящего...*

– И вы идите с ней! А то она там чего-нибудь отчубучит, а потом все на нечистую силу свалит! – велел Прасагов. – Уверен, Степа, что это ты нас специально этим дешевым спектаклем запугиваешь!

– А может, все же ты, Миша? – ответил ему в тон князь. – Хотя, чтобы запугать меня, нужен спектакль очень дорогой. А на тебя, мещанскую душонку, хватит, как ты сам верно заметил, и дешевого действия с зажженными свечками и дверью в подполье! Кстати, что там?

Ярослав несколько мгновений колебался, однако потом все же устремился за ринувшейся в коридор Жанной Хват. Больше всего он опасался того, что в *настоящем* номере 184 их ожидает кошмарное открытие. Например, невесть откуда взявшиеся горящие свечи. Или лежащее посреди комнаты мертвое тело. Или что-то похуже, хотя и не мог сказать, что могло быть еще хуже...

Или все же мог?

Он влетел за Жанной в комнату, в которой они недавно были, ожидая увидеть все, что угодно. Действительно, *все, что угодно*.

И оказался даже отчасти разочарованным, потому что в номере все выглядело так, как и было раньше. Никаких тебе зажженных свечей, мертвых тел и прочих мистических сюрпризов.

Жанна обшарила стены, простукав их в нескольких местах, и сказала:

– Вы же архитектор, вот и скажите, в этом здании есть тайные помещения?

Ярослав ответил:

– Увы, первоначальных планов не сохранилось. Потому что архитектор, который строил «Петрополис», скоростижно скончался...

– Скончался? – протянула Жанна, а Ярослав мрачно заметил:

– Точнее даже, не скончался, а... *Изжарился заживо!*

Жанна вздрогнула, а Ярослав продолжил:

– Его дом на Екатерининском канале сгорел дотла, и в пепел превратилось не только имущество покойного, но и весь его архив. Человеком он был эксцентричным, да и здание «Петрополиса», как вы видите, выстроено в занятом эклектическом стиле. Заказчик, купец Прасагов, мог вполне приказать устроить тайные комнаты или даже тайные ходы!

– Он ведь тоже умер здесь, этот Прасагов? – спросила Жанна сдавленным тоном. – Да, что-то здесь нечисто!

Ярослав был с ней согласен, он даже *знал*, что это было так.

– Ничего, во время полной модернизации «Петрополис» раскроет нам все свои тайны, хочет он того или нет! – произнес Красин медленно. – В том числе и знаменитая комната сто восемьдесят четыре!

Из коридора донеслись крики, и Жанна рванула прочь. Ярослав последовал за ней и застал в новом номере 184 презабавную сценку: князь и олигарх, отталкивая друг друга, пытались пролезть в узкое отверстие в стене, а журналистка Диля пыталась их успокоить.

– Это мой отель, значит, войти туда должен я! – кричал Прасагов, а Кошкин вопил:

– Кредиты, дорогой мой, не выплачены, так что отель принадлежит моему банку!

– А вдруг вы войдете туда и никогда больше не выйдете? – заявила Диля, и мужчины вдруг угомонились и даже в страхе отступили от черной дыры.

– Загляните туда! – велел Ярославу олигарх, а князь, не желая оставаться долгу, приказал Жанне:

– Давай, иди туда!

Пока Ярослав колебался, Жанна, которой повторять дважды не приходилось, вытаскала из кармана черной куртки фонарик, судя по всему, она носила его с собой всегда, на всякий случай, и нырнула во тьму.

Ярослав, в котором чувство любопытства пересилило страх, последовал за ней. Он отчего-то подумал, что, как в сказке про Буратино, увидит замшелые каменные ступеньки, уводящие куда-то вниз.

Но, налетев на широкую спину Жанны Хват, быстро понял, что комнатка, в которой они оказались, крошечная и абсолютно пустая.

Вместе с Жанной они обшарили стены, и она спросила:

– Может, одна из них тоже открывается?

Ярослав пожал плечами:

– Я этого не исключаю, однако сказать наверняка не могу. Мне кажется, что эта комнатка была раньше частью номера, который затем отчего-то перестроили.

Жанна буркнула:

– Какой вы тогда архитектор, если ничего не знаете!

Считая критику в свой адрес совершенно несправедливой, Красин заметил:

– Ну, вы же убийцу несчастной, которая тут где-то недавно без кисти левой руки лежала, тоже не поймали! Ах, извините, имеется теория, что это вы сами тело и подсунули! Но надеюсь, никого для этого специально не лишали жизни, а купили бесхозный труп у продажных работников городского морга?

Жанна, которая, несмотря на темноту, так и не сняла черные очки, пробормотала:

– Вы слишком болтливы. Лучше бы не бред несли, а поведали об архитектурных тайнах этого чертова отеля!

В этот момент часть стены вдруг со скрежетом вернулась на место, и Ярослав с Жанной оказались в западне.

– Не следовало вам столь непочтительно отзываться о «Петрополисе»! – заявил Ярослав.

Внезапно часть стены снова отъехала в сторону, открывая проход в комнату, и Жанна словно ошпаренная выскочила наружу.

– Я нашел, как управлять механизмом тайной комнаты! – заявил, ликуя, князь, а олигарх перебил его:

– Это я нашел!

А журналистка Диля громко заметила:

– Ну, вообще-то это я нашла, но если вам так важно присвоить лавры первооткрывателей... Вот, смотрите, тут надо нажать сразу на три тайные кнопки! – объяснила она. – Мы, когда упавшую свечку гасили, случайно на них надавили. Я попыталась выяснить, как махала руками и где мы все тут топтались, и вот смотрите...

Она нажала ногой на плинтус, правой рукой на клочок обоев на стене, а левой ударила по подоконнику. И часть стены снова отъехала в сторону.

– Чтобы закрыть, надо ударить по подоконнику, – сказала она, произвела соответствующее действие, и дверь снова закрылась.

Князь и олигарх переглянулись, а Жанна протянула:

– Еще одна тайна номера сто восемьдесят четыре. Кстати, в этой комнатке кто-то мог вполне прятаться. Кто-то, кто зажег свечи!

– Если, конечно, их не зажгла та неведомая сила, которая обитает в номере... – произнес князь.

Диля вдруг прислушалась и сказала:

– Вы слышали? Кажется, кто-то приехал!

Она выскочила в коридор, а через несколько мгновений крикнула:

– А, это какая-то намарафеченная, безбожно расфуфыренная особа!

Ярослав про себя усмехнулся, уже сообразив, кого Дили имела в виду: описание Алины Жирмунской было более чем точным.

– Кажется, ваша любимица вернулась! – произнесла Жанна, обращаясь к Прасагову. – Анжела. – Или любовница?

– Алина, – поправил ее олигарх, – и она мне не любовница. А вот вы бы, смотрю, не отказались замутить с ней, а, милочка?

Откуда-то снизу раздался грудной голос Алины:

– Михаил Георгиевич, я вернулась! Господи, а что это такое?!

К ней присоединился пищущий тенорок журналистки Дили:

– Ой, и здесь потайная комната! Круто! Это вы ее привели в действие, милочка?

– Какая я вам милочка! Для таких, как вы, я Алина Юрьевна! – взвилась Алина. – Эй, стойте, куда же вы, дурная особа! Вы заходить туда не имеете права! Это собственность моего босса Михаила Георг...

А затем послышался уже знакомый ухающий звук, и голоса двух девушек вдруг умолкли. *Как будто они просто-напросто в одно мгновение исчезли!*

А что, если и правда, с учетом жутковатых событий, которые вечно имели место в отеле, а также невесть какой силы, то ли обитавшей здесь, то ли снова пробудившейся к жизни...

А что, если они и правда исчезли? Например, оказались в другом измерении – или пропали и никогда больше не вернуться?

Подобные мысли, судя по выражению лиц, занимали не только Ярослава Красина, но и всех прочих личностей, собравшихся в номере 184.

– Помогите! Помогите нам! – раздался приглушенный, но все же отлично узнаваемый голос Алины, которую через мгновение сменил писк журналистки Дили:

– Ой, здесь пауки! Мамочка родная, роди меня обратно! Помогите же, пожалуйста!

Подчиняясь неведомому инстинкту, Ярослав первым покинул зловещую комнату и поспешил, ориентируясь по голосам девиц, которые, перебивая друг друга, просили помочь им, по лестнице вниз – крики шли явно с первого этажа.

Его опередила Жанна Хват, которая, словно подтверждая правильность своей фамилии, в два прыжка спустилась в холл и осмотрелась.

– Ну где же вы? – кричала Алина. – Что, нас никто не слышит?

– Не истери! – заявила Дили. – Мы тут в безопасности... Ой, еще один паук! Помогите!

– И кто тут истерит, идиотка? И не смей кидать в мою сторону этого мохнатого монстра! Ай, помогите! Избавьте меня от общества этой бешеной журнохрюшки!

Ориентируясь по то и дело сменяющим друг друга голосам говорливых дам, Ярослав быстро направился в сторону центрального входа. Жанна, сначала повернувшая не в ту сторону, обогнала его и, оттолкнув архитектора, закричала:

– Я их нашла! Они здесь!

– Вообще-то я их нашел... – возмутился Ярослав сквозь зубы, однако спорить с приткой особой не стал.

Они находились около стены с ошметками множества слоев старых обоев, точнее, около небольшого выступа, который мог вполне скрывать старинный камин или канализационную трубу.

Но вместо этого, похоже, скрывал еще одну потайную комнату.

– Нас нашли! – воскликнула Дили. – Ура! Вызволите меня отсюда! Я на пауков согласна, только вот на эту особу нет. Ой, она еще и лягается...

– Михаил Георгиевич! – послышался голос Алины. – Вы здесь?

Ярослав обернулся – Прасагов спускался по лестнице, а вот князь с небывалым, казалось, удовольствием наблюдал за происходящим со второго этажа.

– Что произошло? – поинтересовался Ярослав, и Диля начала:

– Увидев, что...

Ее перебила разгневанная Алина:

– Куда ты лезешь! Это я должна сначала рассказать! Я, когда приехала обратно из офиса, вошла в холл и увидела, что там, где раньше была стена, вдруг зияет провал. Я в него, конечно, заглянула. Это была какая-то комната... А потом на меня вот эта пигалица налетела, явно движимая любопытством и желанием на пустом месте устроить сенсацию. Да так неловко, что мы обе сюда, в эту комнатку, влетели. А потом... Потом дверь вдруг на место стала, и мы в западне очутились! И это ее вина, что мы тут застряли!

– Нет, твоя! – ввернула Диля. – Я сама видела, как ты локтем рычажок задела, когда сюда входила...

– «Рычажок задела»! – передразнила ее Алина. – А ты этот рычажок потом лапищей так дернула, что он сломался! И дверь с места не сдвигается. Как мы отсюда выйдем?!

Ярослав тем временем стал осматривать дверь потайной комнаты – в стене можно было рассмотреть еле заметные тонкие полосы, являвшиеся пазами.

– Девушки, перестаньте ссориться, мы вам поможем! – пообещал он. – Вы уверены, что рычажок сломан?

– Она его и сломала! – уверенно заявила Алина.

– Неправда, это она его сломала! – перебила ее Диля.

Подоспевший Прасагов, посмеиваясь, заявил, что ссориться не имеет смысла и что Алине и Диле лучше подружиться.

– Кто знает, вам, быть может, придется провести здесь остаток жизни!

– Не пугайте меня, Михаил Георгиевич! – вскрикнула Алина.

– И меня тоже! – поддакнула Диля и вдруг радостно произнесла: – О, здесь, похоже, еще один рычажок имеется.

– Не трогай! – явно предостерегла ее Алина, но, судя по всему, журналистка все же привела в движение какой-то скрытый механизм.

Раздался крик – сначала Алины, потом Дили, и одна из них откуда-то издали проголосила:

– Господи, мы куда-то провалились! Помогите! Помо...

Затем голоса смолкли окончательно.

Ярослав полез в карман за мобильным, но Прасагов пресек его попытку позвонить в Службу спасения.

– Никаких официальных органов, – приказал он, – потому что я не потерплю, чтобы эта история помешала реставрации «Петрополиса».

– Речь идет о человеческих жизнях! – возмутился архитектор, но олигарх, сверкнув глазами, прорычал:

– Никуда звонить вы не будете! Или считайте, что заказ я у вашего бюро отозвал!

Ярослав ужасно не любил, когда его ставили перед выбором, более того, *шантажировали*, но ведь если Прасагов приведет в исполнение свои угрозы – а сомнений в том, что олигарх способен покарать любого, кто шел против его воли, не было, – то придется отказаться от столь выгодного проекта по реставрации «Петрополиса».

И столь важного.

– Что, сдулись, мачо? – спросила насмешливо Жанна Хват. – Ладно, давайте думать, как вызволить оттуда обеих красавиц. Вы же архитектор, вы должны знать, как работают все эти хитрые двери и тайные комнаты!

Ярослав холодно ответил:

– Это знал только архитектор этого удивительного здания, но он давно умер, а весь его архив сгорел.

– Но должен же быть какой-то принцип! – вмешался подошедший князь Степа. – Дверь в новом номере сто восемьдесят четыре открывалась при помощи комбинаций трех потайных кнопок, которые случайно нажали во время кутерьмы со свечой. Значит, нечто подобное должно быть и здесь!

– Но почему тогда эта дверь раскрылась? – спросила Жанна Хват, и князь усмехнулся:

– Потому что кто-то привел в действие секретный механизм, разве не так?

– Но *кто* и *когда*? – удивилась Жанна, и вопрос показался Ярославу разумным. – И, главное, *зачем*?

Прасагов, видимо, услышав упоминание свечей в новом номере 184, заявил, что не допустит, чтобы кто-то подпалил его отель, и взбежал по лестнице.

Князь Захарьин-Кошкин, постучав по стене изящной наманюкиренной ручкой, произнес:

– Вы же вдвоем справитесь? Мне надо сделать несколько важных звонков...

Причем это был явно не вопрос, а констатация факта, и, не дожидаясь ответа, его сиятельство вышел прочь.

– Придется ломать стену! – мрачно заявила Жанна. – Если вы, конечно, не докумекаете, как открыть дверь. Ладно, кумекайте, а я пойду и принесу из моего джипа подручные средства!

Ярослав удивленно спросил:

– У вас что, имеются при себе подручные средства для взлома дверей?

Хмыкнув, Жанна ответила:

– У меня там много чего имеется...

Она удалилась, а Ярослав стал осматривать стену и пол в поисках тайных кнопок. Жанна не возвращалась слишком долго, и он, так ничего и не обнаружив, задумался.

«Петрополис»... Любое архитектурное бюро почло бы за честь заняться перестройкой этого легендарного отеля, но, надо же тому случиться, новый владелец доверил эту миссию им.

Точнее, *ему*...

Да, миссия – подходящее слово, хотя еще более подходящее: *паломничество*. Ярослав вырос в Москве, и в Питер переехал всего несколько лет назад. И все же «Петрополис» означал для него много, намного больше, чем для любого другого архитектора, не исключено, что и намного больше, чем для любого из тех, кто находился в этот момент вместе с ним в доме...

Да, у него была *миссия*. И да, это было *паломничество*...

...Когда Ярослав вернулся в холл, Жанна вовсю орудовала странными инструментами, которые извлекла из раскрытого чемоданчика.

– Ну, куда вы запропастились? – спросила она, на что Ярослав медленно произнес:

– Тот же вопрос могу адресовать и вам. Мне требовалось позвонить...

– А зачем было уходить из холла? – удивилась она. – И Вика куда-то делась. Хотела ведь ждать в автомобиле, но там ее нет. Непонятно. Вы ее не видели?

Ярослав отрицательно качнул головой, а Жанна кратко произнесла:

– Помогите!

С инструментами в руках, она приблизилась к двери, но еще до того, как смогла что-либо сделать, дверь вдруг, издав знакомый охающий звук, отъехала в сторону.

– Вы что-то нажали? – спросила Жанна, подозрительно взирая на Ярослава.

Он не менее подозрительно смотрела на Жанну.

– Нет. А вы?

Она подошла к проему, внимательно осмотрела дверь, провела пальцем по внутренней скобе и заметила:

– Интересно, машинное масло...

– Вы бы предпочли оливковое? – саркастически заметил архитектор, а Жанна заявила:

– Дело не в этом. Кто-то *недавно* смазал механизм машинным маслом, потому что это не остатки старого, которое бы к тому же давно высохло, а нанесенное несколько недель, а то и дней назад. И большой вопрос – *кто* это сделал и *зачем*. Вы к этому причастны?

– А вы? – парировал Ярослав, и Жанна нахмурилась.

– Предпочитаете отвечать вопросом на вопрос? Что же, ваше право. Но не нравится мне это все, ой как не нравится... Говорила я шефу, что нечего нам ввязываться в эту историю, но куда там... У него с вашим Прасаговым старые счеты! Сами слышали, фамильная вражда!

– Он такой же *мой*, как и князь Степа *ваш*! – произнес Ярослав. – Фиксируйте дверь на тот случай, если она снова надумает закрыться, а я зайду туда...

Жанна, хмыкнув, поставила чемоданчик на порог и шагнула вперед. Ярослав последовал за ней.

Потайная комната мало чем отличалась от той, которую они обнаружили наверху. Хотя отличалась – большая часть пола отсутствовала, виднелся покатый, достаточно широкий желоб, который уводил куда-то вниз, во чрево отеля.

– Осторожнее, не упадите туда... – сказал Ярослав, а Жанна усмехнулась:

– Это вы осторожнее!

А затем крикнула в желоб:

– Эй, вы там?

Ее голос срикошетил многократным эхом, а затем раздался еле слышный писк:

– Да, я здесь!

– Это кто? – спросил Ярослав, и голосок сообщил:

– Диля! Алина на меня обиделась и куда-то зашагала по подземелью. А я осталась здесь, внизу...

– Раз зашагала, значит, при падении не получила травм, – подытожила Жанна и снова крикнула: – А с тобой все в порядке?

– Ногу сильно ушибла, идти больно, поэтому она меня и не взяла с собой... Сказала, что я обуза и что если хочу стать обедом для крыс, то пусть так и будет. Ой, помогите мне, пожалуйста!

Ярослав услышал шаги и заметил подошедшего к ним Прасагова. Он тоже заглянул в потайную комнату, переговорил с Дилей и снова категорически отверг возможность обратиться в Службу спасения.

– Тогда, быть может, вы спуститесь сами вниз и поможете обездвиженной девушке выбраться? – спросил Ярослав, которому уже было наплевать на тон, которым он разговаривал с олигархом.

Тот уставился на архитектора, а позади послышался мурлыкающий голос князя Степы:

– Боюсь, Миша элементарно не пролезет по причине своей корпулентной конституции. Вот я бы смог, однако боюсь запачкать свое дизайнерское пальто. Оно знаете сколько стоит?

Ярослав недоверчиво уставился на князя – замечание о пальто, которое он боится запачкать, было нелепой шуткой. *Или все же нет?*

– Как хотите, но я вызываю Службу спасения! – заявил Ярослав, доставая мобильный, и внезапно в этот момент раздался скрежет, Жанна оперативно выскочила из тайной комнаты, князь и олигарх последовали за ней, а Ярослав, оставшись там один, увидел, как часть стены, на этот раз часть стены тайной комнаты, отошла в сторону, открывая лестницу, которая вела куда-то вниз.

– Кто привел в действие механизм? – задала вопрос Жанна, вернувшись внутрь. Князь и олигарх уставились друг на друга, и Ярослав медленно произнес:

– Не думаю, что это был кто-то из нас. Или дверь открылась потому... Потому что механизм в этот самый момент поломался. *Или это сделал кто-то другой!*

– Вы упускаете из виду и иную возможность, – произнес странным тоном князь Степа. – Это сделал... Это сделал сам «Петрополис», точнее, та жуткая сила, которая до этого зажгла свечи и несет ответственность за многочисленные странные происшествия на протяжении более чем ста лет!

Ярослав подошел к лестнице, убедился, что сработана она из мореного дуба и явно на совесть, и сделал первый шаг.

– Я с вами! – заявила Жанна, дыша ему в спину.

– Диляра Ильфатовна, вы здесь? – крикнул Ярослав во тьму, и оттуда донесся жалобный голос журналистки:

– Господи, это вы! Тут в стене снова дверь открылась! А другая закрылась! Не дом, а какой-то кошмар!

Без проблем спустившись по винтовой лестнице метров на семь вниз, Ярослав шагнул в небольшую комнату и заметил сидевшую на полу Дилю.

Завидев их, журналистка даже прослезилась и бросилась Ярославу на шею.

– Вы спасли меня, герой! Спасибо вам!

И она смачно поцеловала его в щеку.

Жанна же, обводя фонарем стены комнаты, процедила:

– А куда удалилась Алина?

Диля ткнула пальцем в стену и сказала:

– Вот туда и ушла! Потому что, прежде чем образовался проход, из которого вы пришли, здесь, на противоположной стороне, зиял другой, который вел в туннель.

Жанна постучала по стене и, удовлетворенно хмыкнув, сказала:

– Да, там имеется полость. Жаль девчонку. Этот «Петрополис» ее, похоже, с потрохами поглотил!

Всхлипнув, Диля стала причитать, что Алина, в сущности, несмотря на всю свою капризность и заносчивость, была вполне ничего. И что ее надо спасти...

Осмотрев стену, закрывавшую проход в туннель, Ярослав сказал:

– Конечно, она переживет пару страшных часов, однако уверен, что ничего ужасного не случится. Мы обязательно узнаем, как открывается дверь, и вызволим Алину. Тем более она ведь не стоит с другой стороны и не просит ее забрать, а это значит, что она куда-то ушла и, быть может, отыскала другой выход.

– Вы правда так считаете? – повеселела Диля, а Жанна сказала:

– Ну, или она куда-то провалилась, заблудилась, упала. Сломала ногу, а то и шею. Или...

Или ее поглотил «Петрополис»!

Кажется, этой несносной особе доставляло удовольствие нагнетать ситуацию и запугивать юную журналисточку.

– Идти можешь? – спросила Жанна, и Диля, попытавшись опереться на ноги, только ойкнула.

– А придется! – заявила Хват. – Я тебя на своем горбу не попру! Мне не за это платят!

Ярослав молча подхватил Дилю и та, прижавшись к нему так, что он мог чувствовать ее горячее дыхание, двинулся по лестнице вверх.

Когда они вышли в холл, то уже практически полностью стемнело. Прасагов нетерпеливо спросил:

– А где Алина?

– Ее скушал ваш «Петрополис»! – провозгласила Жанна, выходя из секретной комнаты. – Проглотил и не подавился! *И даже косточек не оставил!*

Князь Степа заявил:

– Все куда-то девается! Вот и Вику отыскать совершенно невозможно! Она же сказала, что будет ждать в машине! Так и сумочка ее там, и пальто! *Но она сама пропала!*

Ярославу было глубоко наплевать на то, где сейчас Вика, и он, усадив Дилю на пол, предварительно бросив на него свою куртку, дотронулся до лодыжки девушки.

– Здесь болит? – спросил он, и журналистка ойкнула. – А здесь?

Их пальцы вдруг встретились, и Ярослав быстро отдернул руку.

Он здесь не для того, чтобы разводить шурь-мурь с внештатными корреспондентками желтых изданий.

– А вот здесь совершенно не болит! – произнесла Диля и взяла его ладонь в свою.

– Где эта девчонка? – истерично воскликнул князь, а Прасагов усмехнулся:

– Похоже, «Петрополис» и у меня забрал помощницу, и у тебя, Степа. Прodelки нашего отеля! Дорогой «Петрополис», верни нам наших девочек, убедительно прошу! Ну пожалуйста!

В этот момент откуда-то сверху раздалась отдаленная трель мобильного телефона. Жанна Хват, замершая с мобильным около уха, удовлетворенно произнесла:

– А позвонить по мобильному никто не догадался!

– Я Алине звонил, но абонент, конечно же, «временно недоступен»! – ответил олигарх, а Стивен Кошкин огрызнулся:

– Ну, ты и ищи дальше, Миша! А мы свою девочку нашли! Вика, где ты торчишь, негодница? За что я тебе деньги плачу...

И он, явно ориентируясь на звук мобильного, начал подниматься по лестнице вверх. Звук мобильного внезапно прекратился, и Жанна сказала:

– Автоответчик включился. Еще раз позвонить?

– Я понял, где она, – ответил князь, – а именно в номере сто восемьдесят четыре. Вика, каким ветром тебя туда занесло?

Он скрылся в коридоре. Ярослав громко произнес:

– Диляре Ильфатовне требуется медицинская помощь...

– Зови меня Дилей, мой герой! – произнесла журналистка.

– Вот пусть и едет в больницу! – недовольно сказал Прасагов. – Она не имела права находиться здесь – и это расплата за то, что ошивалась в моем отеле!

Ярослав хотел было что-то возразить, но в этот момент сверху раздался нечеловеческий вопль, от которого стыла кровь в жилах.

А через мгновение к лестнице выбежал князь Степа с перекошенным лицом. *Руки у него были в крови.*

– Господи! Она там! Мертвая! *И с отрубленной кистью левой руки!* – выдохнул он, а потом повалился на грязный пол.

Ярослав в этот момент отчего-то подумал, что не запачкать свое дорогушее дизайнерское пальто у князя не получилось.

Жанна рванула первой, на мгновение задержавшись около распластавшегося князя в настоящем, судя по всему, обмороке и измерив его пульс.

– Жить будет! – сказала она, оборачиваясь к подоспевшим к ней Ярославу и Прасагову. Даже журналистка Диля, медленно ковыляя и цепляясь за перила, стала подниматься по лестнице вверх.

Ярослав подхватил ее на руки, поэтому в номер 184 – *в настоящий номер 184* – они вошли последними. Пока Ярослав нес Дилю, та, прижавшись к нему, прошептала:

– Неужели это Алина? Он убил ее?

– *Он?* – тихо переспросил Красин, гадая, кого же журналистка имела в виду – князя или олигарха.

– «Петрополис»! – сказала девушка страшным шепотом. – *Еще одна жертва номера сто восемьдесят четыре!*

Диля не ошиблась. Посреди грязного помещения, на полу, возлежало женское тело – растрепанные светлые волосы, неестественная поза.

И солидная лужа крови, натекая из отрубленной кисти левой руки.

Издав странный звук, то ли рык, то ли всхлип, Жанна Хват ринулась к телу, но Прасагов успел задержать ее и заявил:

– Ничего не трогать!

Ярослав медленно опустил Дилю на пол и вместе с олигархом осторожно приблизился к телу.

Прасагов, присев около недвижимой женщины на корточки, попытался нащупать пульс и, повернувшись, сказал со странной гримасой:

– Она мертва... И я бы очень удивился, если бы при такой кровопотере она выжила...

– Господи, кто же Алину-то так... – произнесла с дрожью в голосе Диля, а Прасагов, хмыкнув, сказал:

– Ну да, вы же лица не видите... А стиль у них похожий... Это не Алина, это Вика, помощница Степы. Вот поэтому Жанна так и убивается – она ведь так ее ценила!

Из угла раздался тихий вой – это плакала Жанна Хват, причем так и не сняв своих знаменитых черных очков.

– Он убил ее! – послышался из коридора голос князя, видимо, оклемавшегося и решившего вступить в дискуссию. – Я не собираюсь ни секунды находиться в этом кошмарном доме! Это ведь отель-убийца! На его совести столько человеческих жертв, и вот он забрал от нас Вику! Жанна, отвези меня домой!

Но Жанна, не слушая шефа, продолжала лить слезы.

Олигарх Прасагов медленно выпрямился и, доставая мобильный, сказал с мрачным выражением лица:

– Это, конечно, не фунт изюма. От этого трупа просто так уже не избавишься...

– Значит, ты все же избавился от того, который мы тебе... – Князь, стоя на пороге и держась за косяк, в покрытом толстым слоем грязи дизайнерском пальто, вдруг смолк.

Прасагов усмехнулся:

– Ага, значит, признаешь, что тот труп, от которого я в самом деле избавился, вы мне подсунули? Кого-то для этого убили?

Жанна Хват, выпрямляясь, процедила:

– Тело в самом деле раздобыли в морге. Был приказ вас припугнуть и устроить неприятности...

Диля, сильно сжав руку Ярослава, провозгласила:

– Видите, я правду говорила! И это ведь вы на меня напали? И камеру украли? Отдайте, я кредит за нее только платить начала! Она мне для работы нужна!

– Получишь ты свою камеру! – заверил князь. – И компенсацию за причиненные неудобства.

Прасагов, играясь с мобильным, заявил:

– Но в этот раз вы зашли слишком далеко! Убили эту дурочку! Это не бесхозный труп купить и мне подсунуть. Это уголовное преступление! За такое и ты, и твоя подручная Жанна загремите на много лет! Я об этом лично позабочусь!

– Мы к этому непричастны! – быстро проговорил князь. – Идиот, зачем нам убивать Вику? Она была прелестной молодой девицей! Да, мы тебя другим трупом из морга припугнули, но к этому ужасу не имеем ни малейшего отношения!

Прасагов протянул:

– Не думаю, что следяки вам поверят. К тому же ты бывший американец, Степа... Ох, не завидую я твоей участи!

– Не убивали мы ее! – завопил князь с такой силой, что у Ярослава зазвенело в ушах.

– Это ведь и вы могли Вику убить, – заметила совершенно спокойным тоном Жанна. – И не только ее, но и свою помощницу, как ее, Анжелу... Помощницу и любовницу!

– Алиной ее зовут! – взвился олигарх. – И никакая она мне не любовница! У нас чисто деловые отношения! И никого я не убивал, конечно же...

– Не думаю, что следаки тебе поверят, – передразнил его князь. – Но лично я тебе верю, Миша. А ты мне – нет! Вот что значит аристократическое происхождение и величие духа! А вы, купчики, всегда всех подозреваете...

Жанна Хват уже совершенно взяла себя в руки и решительно произнесла:

– Клянусь, что найду убийцу, чего бы мне этого ни стоило! Потому что если это не мы, то...

Она уставилась на Ярослава. Князь и олигарх тоже взирали на него с нескрываемым ужасом. Даже Диля отшатнулась от него.

– Вы что, окончательно рехнулись? – спросил он, вдруг осознав, что говорит каким-то совершенно чужим голосом. – Я был все время у вас на виду!

– А вот и нет, – ввернула Жанна, – когда я вернулась с инструментами, то тебя не было! Ты вполне мог побывать наверху и убить Вику!

Чувствуя, что его сердце грохочет, как ветхий будильник, Ярослав заявил:

– Если уж на то пошло, и вы тоже могли, делая вид, что идете за инструментами, убить Вику!

– Ее в автомобиле не было... – сказала Жанна, а Ярослав заявил:

– Это *по вашему утверждению* ее там не было. А может, была, вы ее оглушили, затем перетасили наверх и убили? И сделали вид, что вернулись с чемоданчиком в холл. Вы отсутствовали подозрительно долго...

А затем, ткнув правой рукой в князя, а левой в олигарха, отчеканил:

– И любой из вас мог это сделать! Вы ведь тоже оба были вне поля зрения, во всяком случае, моего.

Степа и Миша переглянулись, но ничего не сказали.

– Или... – произнесла дрожащим голосом Диля, и все уставились на нее. – Или это сделал «Петрополис»! Точнее, *проклятие номера сто восемьдесят четыре!*

Неделю спустя

– Отличный виски, – произнес седой, с пушистыми усами и военной выправкой мужчина в инвалидном кресле. Он поставил бокал на подлокотник кресла и взглянул на своего гостя, франтовато одетого субъекта со старомодным галстуком-бабочкой, и спросил:

– Но все же ты не для этого привез мне из Москвы такой раритет, чтобы мы вместе с тобой его распили, ведь так, Генрих?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.